

СЕМЕЙНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Алексей Келин

16+

Алексей Келин

Семейные обязательства

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Келин А.

Семейные обязательства / А. Келин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Отец Элизы арестован за попытку убийства канцлера империи. За расследование берется пожилой епископ, охотник на нечисть. Он подозревает, что покушение было частью большого заговора, и дело пахнет чертовщиной. Из документов отца Элиза узнает, что почти вся её жизнь – ложь. Беды продолжают преследовать юную барышню. Элизе нужно спасти себя и любимую кошку. Епископу - раскрыть заговор и решить, кого станет спасать он. Мир "Этикета следствия". История абсолютно самостоятельная. Герои "Этикета" появляются в эпизодах.

© Келин А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Бал в ратуше	8
Глава 2. Светские беседы на месте преступления	13
Глава 3. Осколки разбитой жизни	19
Глава 4. Приметы грозы	24
Глава 5. Архиепископ Гетенбергский	30
Глава 6. Заложники чести	36
Глава 7. Загрывать жар	44
Глава 8. Старые дела	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Келин

Семейные обязательства

Пролог

Почти двадцать лет назад

Привидения замка Вейнберг любили солнце.

Ноябрь не часто баловал жителей юго-востока Империи безоблачными днями. Но сегодня солнечные лучи наполняли призраков золотистым мерцанием. Обычно бледные, полупрозрачные, сейчас бывшие владельцы древнего замка как будто светились изнутри.

Или дело было не в солнце?

В любой другой день Елена Лунина, урожденная фон Риттенхофф, не преминула бы напомнить покойной родне мужа о приличиях. Смерть не отменяет правил хорошего тона. Призракам положено сидеть в склепе и являться по зову живых, а не греться на солнышке. Кто-нибудь из них непременно ответил бы колкостью – скверный характер старые господа Лунины пронесли и через гроб, получилась бы неуместная перепалка...

Елена глубоко вздохнула, сдерживая рыдания.

Сейчас не до призраков. Молчат – и спасибо. На разговоры с мертвыми не было сил.

Елена подошла к окну. Глаза мгновенно начали слезиться от яркого солнечного света, но оборачиваться не хотелось.

Она замерла, глядя на пологий склон, поросший жестким кустарником. До боли в пальцах сжала жесткую ткань портьера и снова беззвучно вздохнула. Елена смотрела в окно так, будто хотела запомнить этот не по-осеннему теплый день до мелочей. Рассмотреть каждую пожухлую травинку, блеск лужи на подъезде к мосту через осыпавшийся ров, чудом не облетевшие зеленые листья небольшого клена, выросшего на просевшей от времени стене...

Над деревней у подножия холма поднимался дым из печных труб. Грузенная дровами подвода медленно ехала к замковым воротам, мужик на облучке ослабил поводья, стянул шапку, тряхнул слипшимися в сосульки волосами и довольно сощурился на полупрозрачные облака.

Елена зажмурилась, сморгнула слезинку и обернулась.

Солнечный свет безжалостно выставлял напоказ потрескавшийся паркет, ветхую ткань обивки кресел, паутину в углу за изразцовой печью и облупившуюся позолоту на столбах балдахина огромной кровати.

На высоких подушках лежала женщина. Ее мертвенно-бледное лицо казалось заготовкой для мраморного надгробия, зачем-то уложенного в постель и укрытого мягким одеялом.

Надгробиям место в склепе. С призраками... Вот они, стоят у изголовья, скорбно опустили глаза.

Елена подошла, сдвинула одеяло и присела на край. Осторожно погладила умирающую по блестящим, пшеничного цвета волосам.

Женщина на кровати с видимым усилием открыла глаза.

– Смотри, Лизанька, какое сегодня солнце, – улыбнулась Елена, – будто в мае.

Елизавета в ответ поморщилась.

– Спит... Но Бог с ним, пусть. Чувствую, времени у меня почти не осталось... Холодно. Знаю, здесь натоплено, но все равно... Мерзну. Это конец, подружка... – Елизавета как будто опомнилась и спросила уже тверже: – Брат скоро приедет?

– Сегодня ждем, но кто знает? – Елена сознательно проигнорировала слова о конце. Хотела бы возразить, но что тут скажешь? – Дороги развезло. Павел торопится, но...

– Скорее всего, не успеет, – тихо, но твердо закончила за нее Елизавета. – Елена, спасибо, я ценю твою деликатность, но многоточия оставь мне. Я тут, – она горько усмехнулась, – одной ногой в могиле, а тебе еще дочку мою растить. Прости, я многословна, просто мне очень, очень страшно.

– А как же ее отец?! – в который раз за последние сутки спросила Елена. Получилось слишком громко, неожиданно даже для нее самой. Елена смутилась было, но быстро отбросила сомнения.

Не до деликатности. Время уходит.

Призрак дамы с высокой прической одобрительно кивнул – все правильно, нужно найти отца.

– Лизанька, ты мне так и не ответила. Кто он? Я пошлю за ним немедленно, он должен знать о дочери! Ты сделала жуткую глупость, дорогая, ее нужно исправить, прямо сейчас! Я ничего, слышишь, ни-че-го не хочу знать о тайных поручениях императрицы! И что ты делала в Заозерье – мне совсем не интересно! У ребенка должен быть отец! Сама подумай, на что ты обрекаешь девочку?

Елена горячилась чем дальше, тем больше. На каждое ее слово, на каждый гневный выкрик Елизавета только улыбалась.

Молча. Спокойно. Отрешенно.

– Лизавета! Ты сошла с ума! Ты мать или кто?!

– Я – мертвец. Мать – ты, – медленно, разделяя слова, ответила Елизавета. – Вы с Павлом воспитаете. А ее отец... Он не знал и не узнает. Думаю, – пробормотала она почти неслышно, – я была бы плохой матерью, но он – еще хуже. Не хочу ей такой жизни.

Елизавета ненадолго замерла, прикрыв глаза. Потом вздохнула несколько раз, собираясь с силами, разлепила веки и твердо посмотрела на призраков.

– А вы, – почти обычным голосом сказала она, – идите к черту, хоть и не берет вас преисподняя, дорогие предки. Елена, умоляю, не хорони меня в фамильном склепе, отвези в Гетенхельм. Не хочу, как они... Лучше холст в раме, чем пугать крестьян.

– Ты бредишь! – предприняла Елена последнюю попытку. – Или ее отец... – она в ужасе округлила глаза.

– Нет, конечно, – слабо усмехнулась Елизавета. – Я просто хотела развлечься. Все было очень мило. Кто же знал, что артефакт не сработает, и получится ребенок, который меня убьет? Магия – бессмысленная штука. Вот и сейчас не спасла... Хотя, может быть, был бы здесь ментальный медик... Пустое. Холодно... Господи, на все воля Твоя, только дочку не казни, пусть...

Она прикрыла глаза и снова попыталась вздохнуть поглубже. Слеза покатилась по матово-белой обескровленной щеке.

У Елены от жалости перехватило дыхание. Она представить себе не могла, что когда-нибудь увидит сестру мужа такой – беспомощной и напуганной. Блестящая фрейлина, доверенное лицо правящей императрицы Изольды, одна из самых влиятельных дам государства, умирала от кровотечения после родов в полузаброшенном замке, с незапамятных времен принадлежавшем ее семье.

Роды начались стремительно и слишком рано, почти сразу после того, как Елизавета в простой карете с небольшой охраной пересекла перевал между Гнездовским княжеством и Гётской империей. Она была уверена, что впереди как минимум полтора месяца, но не успела даже доехать до столицы. Еле-еле дотянула до старого родового замка.

К счастью, Елена была здесь. Хозяйка заезжала в Вейнберг раз в год, отдать распоряжения о хозяйстве и скудных виноградниках. В остальное время замок пустовал, Лунины давным-давно переселились в Гетенхельм.

Елизавета снова собралась с силами. Елена с ужасом понимала – совсем скоро никакая сила воли не поможет невестке удержаться в мире живых.

– Я богата, – сказала Елизавета негромко, но четко, – пусть Павел сделает так, чтобы все досталось дочке... А ты передай Изольде – сделано. И письма сожги, не читая, тебе не нужно, лишнее это, слишком много любви и грязи. Как...

Силы иссякли. Елизавета затихла на подушках бледной статуей. Дыхание стало совсем легким, едва заметным, Елена почти видела, как уходила сестра ее мужа. Отказавшись от исповеди, без соборования, оставив незаконнорожденную дочку.

Прости ее, Господи. Она ведает, что творит, но все равно – прости!

– Письма... – едва слышно прошелестела Елизавета, – отдай... Как холодно... Снег в Гетенхельме, слякоть в Гнездовске... Не успела... Вы идиот, такие, как мы, не нужны детям...

Дверь скрипнула, в комнату вошла деревенская баба – кормилица, покачивая в руках попискивающий сверток.

– А кто к нам пришел! – Восторженно воскликнула она. – Какая милая девочка пришла! Барыня, как позвали, так мы тут как тут!

Елена хотела было шикнуть на няньку, но увидела мольбу в затухающем взгляде Елизаветы, решительно взяла ребенка и уложила рядом с матерью. Кивком отослала кормилицу. Осторожно достала из-под одеяла бледную руку с синеющими ногтями и прижала ее ладонь к головке девочки.

– Вы тоже пошли вон, – жестко велела Елена призракам. Дама поджала губы; рыцарь оскорбленно дернул подбородком, но и они послушались настоящую хозяйку древнего замка.

Елена краем уха услышала шелест мертвых голосов:

– Ребенок... Она и наша по крови, и не наша... Неясно, что...

Девочка перестала пищать и – совершенно невозможно для новорожденной! – внимательно посмотрела вслед привидениям, и после смерила взглядом свою тетку, будущую приемную мать.

Время замерло. Елизавета с нежностью поглаживала пальцами волосики на темени дочки. Малышка молчала, даже не пытаясь шевелиться, но не спала.

Елена не сразу поняла, что все закончилось. Просто пальцы матери замерли слишком надолго. Присмотревшись, Елена увидела, что ласковая улыбка на лице мертвой женщины застыла навсегда.

Павел Лунин, брат Елизаветы, опоздал на несколько часов. Выслушал сбивчивый рассказ жены, долго молча стоял над телом мертвой сестры. Елена, едва слышно всхлипывая, прижималась к его плечу. Спустя какое-то время она бесшумно вышла и вернулась с младенцем на руках.

Павел повернулся к ней. Медленно и тяжело, как будто посмотреть на новорожденную стало бы окончательным признанием – сестры больше нет.

Он посмотрел.

Осторожно взял у жены девочку. Грустно улыбнулся, глядя на крохотное личико и бережно поцеловал в лоб.

– Здравствуй, Елизавета Павловна. Ты не виновата ни в чем. Виноват тот, кто... Но ты о нем не думай. Теперь я буду твоим отцом.

Глава 1. Бал в ратуше

Запеченные креветки у повара магистрата получились куда лучше, чем любое блюдо у кухаря подворья охранителей. Отцу Георгию, Провинциал-охранителю Гетенбергскому, стоило некоторых усилий не потянуться за следующей – толстой, сочной, в золотистой корочке панировки, сдобренной нотками лимона и перца.

Епископ хмыкнул и вознаградил себя глотком вина за смирение. Отдыхая от трудов праведных, он съел уже немало креветок. Общаться со сливками имперского общества – это вам не нечисть по болотам гонять и не ягинь жечь, тут потруднее приходится.

Когда Архиепископ предложил отцу Георгию возглавить столичное отделение, опальный охранитель из горного захолустья очень удивился.

– Я солдат, – с сомнением сказал он. – Сержантом был, сержантом и помру, хоть и на службе Церкви. Не справлюсь я с политическими дразгами.

– Мне, – Архиепископ недвусмысленно выделил это «мне», – и нужен солдат. С политической сам разберусь, – Владыка криво усмехнулся своим мыслям. – Я прекрасно помню, за что тебя загнали в глушь. И как ты там по обрывкам бумажек вычислил гнездо чернокнижников.

Отец Георгий не стал возражать архиерею, только промычал что-то с сомнением.

– Твоей основной задачей будет не столько ловить колдунов, – продолжил Владыка, – сколько защитить церковь от внутренних врагов. Помнится, есть такая строчка в уставе Официума... В столице развелось многовато казнокрадов, надо укоротить излишне жадных. Пока Император не сделал это сам. Придется тебе опередить Помазанника.

В словах Архиепископа угадывалась тень недосказанности – не так должен говорить священник об Императоре, главе государства и Церкви.

Отец Георгий не стал вникать в эти тонкости. В Гарце карьеры не сделать, а такие предложения бывают раз в жизни.

На бал епископ прибыл, чтобы познакомиться с руководителями разнообразных имперских ведомств. Где ж их еще всех разом найти, как не здесь? Не угадаешь, чья помощь может понадобиться, а содействия лучше просить у тех, кому хотя бы представлен. Идею, конечно же, подсказал Архиепископ – он в таких делах ориентируется, как зубастая щука в мутной воде Ристера.

Щуку здесь тоже подавали. С укропом, луком и грибами. Отец Георгий от нее вежливо отказался – не стоило рисковать. А то начнешь сыто икать, и выйдет неловко, и так про «толстых попов» байки травят. Глупо предполагать, что высшее дворянство ни одну из них не слышало.

Слышали, еще как. И сами наверняка сочиняли элегантные эпиграммы.

Пииты, чтоб им самим икнулось.

Епископ с вежливой улыбкой, стараясь не выдать неловкость и раздражение, смотрел на высшее общество.

Дамы в легких, едва слышно шуршащих платьях, кавалеры во всем многообразии имперских мундиров, высший свет Гетенберга. Первые лица Империи, их приближенные, семьи – почти все, кто упомянут в Железной, Золотой и Серебряной Книгах родов. Плюс толпа помощников, приспешников и прихлебателей.

Лучшие люди. Цвет Империи. Потомки воинов Мстислава и бывших владык завоеванного Тридевятого царства.

Отец Георгий мрачно хмыкнул про себя. Прогрессивные господа с громкими титулами нередко увлекаются чернокнижием. Все, конечно, ради высших целей. Творят такую гнусь, какая и не снилась темным крестьянам с древними обычаями.

Костры, впрочем, у всех одинаковые.

Отец Георгий встал, стараясь не охнуть по-стариковски, и двинулся к выходу через балльную залу. Почти восемь вечера, можно и откланяться, вежливость соблюдена.

Проходя мимо танцующих, он мельком позавидовал юному гвардейцу, кружащемуся в танце с очаровательной барышней. Эх, молодость...

Едва слышный шелест шелкового подола, стук изящных каблучков, поворот, снова поворот, искрящийся всплеск изумрудов браслета на руке, поднятой навстречу партнеру...

Элиза очень нравилась себе в бальном наряде. Она не могла посмотреть со стороны, но восхищенно-грустный взгляд кавалера отражал ее красоту лучше любого зеркала.

– Елизавета Павловна, – негромко сказал он, приблизившись в танце, – надеюсь, вы не лишите меня счастья видеть вас на осеннем балу в Цитадели?

Элиза улыбнулась. Чуть более лукаво, чем пристало барышне в разговоре с не-женихом. Особенно, когда дата свадьбы уже назначена.

– Я постараюсь уговорить Петра Васильевича.

При упоминании будущего мужа взгляд brave лейтенанта императорской гвардии стал еще тоскливее. Элиза наклонила голову, пряча усмешку. Светлая прядь, продуманно-небрежно выбившаяся из прически, упала ей на лоб.

Пьера и уговаривать не придется. Ему все равно, где невеста и что она делает. Даже на бал Конца лета в ратушу не явился – сослался на дела. Тоже мне, жених.

Не хочешь ты танцевать – не надо. Но приличия-то можно соблюсти?! Нельзя же так явно показывать пренебрежение и невестой, и правилами хорошего тона!

Здесь, в ратуше, собралось все высшее общество Гетенберга. Император Александр почтил бал своим присутствием, и даже канцлер Воронцов, известный нелюдим, станцевал первый тур!

И, конечно, все знакомые Элизы отметили отсутствие ее жениха.

«Ты скучный крючоктвор! – в который раз мысленно обругала его Элиза. – Свил гнездо из своих рабочих бумаг, как... как крыса в подвале!»

Танец закончился, кавалер проводил Элизу к креслу пожилой графини, присматривающей за молодой просватанной девицей по древней традиции «для соблюдения приличий». Элиза поискала взглядом отца, но в балльной зале его не было. Павел Лунин, видимо, играл в карты или увлекся беседой с каким-нибудь седоусым генералом.

«Я от танцев еще при прежнем правлении устал», – говаривал, бывало, папенька, удаляясь в курительную.

Элиза не хотела портить себе настроение. И так скоро свадьба всю жизнь испортит. Она только тихонько вздохнула.

– Дорогая, не придавай женитьбе большого значения, – как будто услышала ее мысли графиня, – ничего не изменится. Будешь так же танцевать на балах, кокетничать, обсуждать новости и заниматься благотворительностью... Или чем ты там занимаешься?

– Простите?

– Детка, послушай старую бабку. Трагизм не красит милое личико, а Петр, или, как ты его называешь – Пьер – не чудище из сказок. Может быть, у вас все сладится. Может быть – нет. Но если ты заранее решишь, что свадьба – конец света, так и будет. – Графиня пристально посмотрела на Элизу и грустно усмехнулась. – Или ты собралась демонстративно пострадать,

а потом, так и быть, снизить до навязанного судьбой жениха? Чтобы он тебе всю жизнь был благодарен?

Элиза остолбенело молчала. Не таких слов она ожидала от пожилой светской дамы. Тем более что та, в общем-то, угадала.

– Зря, – веско заключила графиня. – Любить мужа не обязательно, но от уважения еще никому не стало хуже. И, кстати, подумай, ему-то есть, за что тебя уважать? – старуха хлопнула веер и всем видом продемонстрировала, что разговор окончен.

Элиза пробормотала что-то невнятное и отошла. А что еще сделаешь? Не спорить же с выжившей из ума бывшей фрейлиной бабушки Императора...

Элиза шла по залу, улыбалась знакомым и слушала отголоски разговоров, выбирая, к какой группе присоединиться. Разглядывая собравшееся общество, Элиза встретила глазами с княжной Ниной Гагариной, давней подругой-соперницей. Не обойдется без очередной колкости, без удивленно-наивного вопроса: «Дорогая, а где же Пьер?»...

Соревнование в остроумии окончательно испортит вечер.

Элиза дружелюбно улыбнулась Нине и не стала останавливаться.

Она вышла из бальной залы в неожиданно безлюдный коридор, сделала несколько шагов...

Крик. Сгусток боли, недоумения и страха.

Вихрь. Не бывает смерчей в стенах геттенбергской ратуши, не может быть, показалось!

Еще один крик. Знакомый, родной голос – торжество, боль, отчаяние – все вместе.

Отец?! Что...

Элиза не поняла, как оказалась в той гостиной. Наверное, бежала, ломая каблучки, и грянулась в тяжелую дверь всем телом, чтобы скорее открыть... Или нет? Или мгновенно шагнула через несколько коридоров и залов? Память хитрила.

Зато следующие минуты навсегда застыли в памяти Элизы собранием холстов злого художника, рядом полотен в мрачной галерее – сжечь бы! Но память не горит.

...За окнами полыхал августовский закат, заливая все багровым – светом, огнем и кровью.

Отсветы уходящего солнца на светлом ковре смешались с потеками красного, густого, остро пахнущего болью. Блестели алыми искрами серебряные статуэтки на камине, плясали оранжевые языки пламени в топке, спорили с закатными лучами огоньки свечей на столе, и сверкали мелкой вишней летящие капли.

Медные стрелки на циферблате настенных часов казались двумя росчерками алой краски. Два скупых мазка, меньше минуты до восьми.

Уютный запах горящих березовых поленьев стал терпким, ядовитым от привкуса металла.

На ковре, у массивного кресла, скрючился человек в мундире императорской канцелярии. Он схватился руками за живот, между пальцами нелепо торчала рукоять кинжала.

Рядом – медленно, как сквозь густой кисель – падал навзничь Павел Лунин. Из обрубка, оставшегося на месте правой руки, бил фонтан крови.

Перед ними, спиной к Элизе, стоял невысокий человек в черном. На острие отведенного в сторону клинка набухла тяжелая темная капля.

Элиза кинулась к отцу – подхватить, поддержать... Спасти!

– Стоять, – обернулся к ней человек в черном.

Она не видела движения.

Вот картина с тремя фигурами – и вот следующая, на которой человек с клинком заслоняет все.

На его плече блеснул серебряный аксельбант кавалергарда. Голос Императора?!

Элиза и не подумала останавливаться, шарахнулась в сторону – обойти! Но как будто налетела на прозрачную стену. Вскрикнула, дернулась еще раз, кажется, даже чуть-чуть продавила преграду. Ее взгляд прикипел к обрубку руки отца. Больше всего на свете она хотела одного – остановить кровь, остановить, прямо сейчас! Ведь еще чуть-чуть – и никакой жгут не спасет Павла Лунина, быть Элизе круглой сиротой!

За спиной с треском распахнулась дверь, в гостиной сразу стало многолюдно. Элизу мгновенно оттеснили, кто-то крепко взял ее за локти сзади, она пыталась вырваться и кричала – бессмысленно, путая «Пустите!» «Отец!» и «Это ошибка!». Бой часов, неожиданно гулкий, остановил крик Элизы.

Она пыталась рассмотреть, что же происходит там, на залитом кровью ковре. Жив? Умер? Спасли? Судьба второго раненого ее не слишком волновала.

Издалека доносились обрывки фраз:

– Канцлер Воронцов... нападение... на волосок от смерти... Лунин что, рехнулся на старости лет?

И негромкий отчетливый приказ:

– Всех – вон. Бельскую сюда, немедленно. Девчонку под домашний арест, пальцем не трогать и глаз не спускать.

Следом – еще один голос. Не вопрос – новый приказ:

– Я Провинциал-охранитель Гетенбергский. Что произошло?

Элиза не услышала ответа. У дверей к ней кинулась Нина, но конвоиры аккуратно оттеснили княжну от задержанной.

В толпе Элиза заметила недавнего партнера по танцам. Восторженно-влюбленного взгляда больше не было. Бывший воздыхатель старательно отводил глаза.

Отец Георгий скорее угадал, чем услышал крики. Учужал, как натасканный охотничий пес. Что-то тревожное прозвучало в дальней галерее, за толстыми стенами и портьерами. Охранник, больше похожий на небогатого секретаря какого-нибудь герцога, с озабоченным видом торопливо пошел куда-то вглубь здания. Епископ двинулся за ним. Быстро, но не бегом, стараясь не обращать на себя внимание. Бегущий охранитель высокого ранга вызовет смех или панику, и оба варианта категорически не устраивали отца Георгия.

Запах крови заливал все. Сквозь него едва пробивался тонкий аромат женских духов и уютный дух жарко растопленного камина.

Костер?! Нет, не здесь. Не сейчас.

На полу скорчился канцлер Воронцов. И без того невысокий, сейчас он казался еще меньше ростом. Над ним склонился кавалергард, подкладывая под голову раненого свернутый плед, очень аккуратно, чтобы не потревожить нож. Все правильно, если бездумно вынуть клинок из раны, канцлер очень быстро истечет кровью. Воронцов был в сознании, проследил взглядом за охранителем и негромко фыркнул: «Вот и исповедника доставили, раньше лекаря».

Несмотря на слабость голоса, едкий сарказм прозвучал отчетливо.

Неподалеку без сознания лежал нападавший. Вместо руки у него торчал слабо кровоточащий обрубок. Гвардейцы выводили что-то невнятно лепечущую девушку.

– Я Провинциал-охранитель Гетенбергский, – громко сообщил отец Георгий. – Что произошло?

Он отодвинул еще одного гвардейца, попытавшегося было преградить дорогу. Парень остановил бы любого, хоть герцога, хоть министра, но хватать и задерживать охранителя с высшим саном не решился.

Епископ шагнул к канцлеру, но на его пути оказался кавалергард с окровавленным клинком.

Только что он укладывал плед – и вот уже бесстрастно смотрит в лицо Провинциал-охранителю. Не встречаясь глазами, куда-то в переносицу.

Отец Георгий прекрасно помнил, что и как этот с виду щуплый, изящный господин способен вытворить хоть мечом, хоть кинжалом, хоть голыми руками.

Виделись.

– Позвольте помочь раненому, – чуть быстрее, чем следовало, попросил епископ.

Если бы ему потом пришлось описывать свои мысли и ощущения, получилось бы длинно: он вспомнил давнюю встречу в катакомбах Гетенберга, где, к счастью, они были на одной стороне. По телу прокатилась горячая волна опасности. Епископ прикинул, как будет прыгать к камину и хватать кочергу – а там Господь не выдаст, свинья... простите, кавалергард не зарубит.

На деле все заняло полсекунды. Отец Георгий чуть переместил вес тела и приготовился к драке.

– Не стоит, Ваше Преосвященство, – ответил кавалергард. – На нем лечащий амулет. Скоро прибудет медик.

Глава 2. Светские беседы на месте преступления

Отец Георгий шагнул в сторону. Снова чуть быстрее, чем пристало епископу, но сейчас это можно объяснить заботой о раненом. Знак охранителя – намоленная святыня, рядом с ней магические артефакты работают плохо, а жизнь канцлера, похоже, на волоске.

Да и самому охранителю спокойнее стоять чуть поодаль от бешеного кавалергарда... и поближе к кочерге.

Покушение на канцлера – слишком важное событие. Не избежать толкотни начальства самых разных имперских контор. Все, кто имеет хоть какое-то отношение к обеспечению безопасности, набегут демонстрировать запоздалое рвение, пресекать и не допускать впредь. Хорошо, что кавалергарды уже здесь, выгонят особо энергичных, не придется ссориться. Еще неплохо бы не дать себя выгнать, дело серьезное, без магии не обошлось. Ох, интересно начнется служба в новой должности!

– Здравствуйте, Георг фон Раух, Меч Императора, – невпопад торжественно сказал епископ, только чтобы не молчать.

– И вы здравствуйте, Ваше Преосвященство отец Георгий, охранитель по прозвищу Жар-Птица, – в тон ему отозвался кавалергард.

– И что?! – ехидно поинтересовался канцлер. – Власти светская и духовная не подерутся над моим остывающим телом? А я-то уж понадеялся на тризну на манер далеких предков. Хотя вы, скорее, духовная и абсолютная... Георг – именем Императора, а он глава и государства, и Церкви... Двуглавый наш, – канцлер хихикнул. – А охранитель, ох-раана от сил магических-зловредных и прочих демонов – тот духовный. Или следственный? Кто ж вас разберет... Зато как осень – так бюджет вам подпиши и не жадничай...

– Отто, помолчите, – перебил его фон Раух. – Вам кажется, что все хорошо, но это иллюзия.

– Да уж... Х-хорошо... – снова хихикнул канцлер. Получилось больше похоже на бульканье.

– Помимо исцеления, артефакт дает анестезию, – пояснил отец Георгий тоном лектора, – по действию сходную с эффектом некоторых наркотических веществ. Вы, господин Воронцов, как говорится, закумарены. Также можно употребить модные в божественной среде термины «обдолбаны» и «угашены». Вам действительно лучше не тратить силы на беседы.

Канцлер от таких слов ошарашенно икнул. Кавалергард приподнял бровь.

Пока они переваривали епископскую эрудированность, отец Георгий мысленно поздравил себя с маленькой победой (ошеломить возможного противника – полдела) и подошел к нападавшему. Убийца-неудачник упал затылком на резной угол низкого столика. Ему повезло всего лишь потерять сознание, а не проломить себе череп.

Повезло ли? Все равно на плаху, а так бы умер мгновенно.

– Господин фон Раух, этого вы тоже магией лечили? – поинтересовался епископ.

Кавалергард подошел поближе, пристально посмотрел на культю.

– Крови должно быть намного больше, – пояснил епископ. – Она фонтаном била, брызги веером по потолку, а на ковре совсем немного, как будто жгутом перетянули. Но жгута я не вижу.

Кавалергард пожал плечами:

– Ну не давать же ему так просто умереть. Мне с ним еще поболтать хочется.

Ответ получился сомнительным, но отец Георгий не стал уточнять. Быстро осмотрелся, снял шнур с гардины и на всякий случай перетянул культю. Так, как когда-то перетягивал солдатам – кому повезло дожить до прихода лекарской команды. Оглянулся, прикидывая, из чего можно сделать бинт...

– Гоша, сгинь, – услышал епископ знакомый женский голос от двери.

Охранитель обернулся с улыбкой. Воспоминания не ходят одни.

На лице Георга фон Рауха на полсекунды мелькнуло выражение удивления, недоумения и, кажется, обиды? Этот момент стал для отца Георгия еще одной наградой за страхи.

Полная пожилая дама в мундире кавалергарда на них уже не смотрела – встала на колени рядом с канцлером, положила руки на его грудь и полностью погрузилась в магическое лечение. Воронцов снова булькнул, но говорить больше не пытался.

Пришедший с ней лейб-медик молча поклонился отцу Георгию, осмотрел однорукого, уважительно кивнул епископу и приступил к перевязке.

Во время Войны принцев отец Георгий успел поработать в лазарете. Где застала беда – там и пригодился. Тогда он и познакомился с Викторией Бельской, ментальным магом-медиком высочайшего класса, последним спасением для безнадежных.

Законы о магии тогда только что изменили. Личный приказ Александра о «полезных колдунах» до войск довели, но случалось всякое. Бывший сержант, а теперь – охранитель, он стал для мага-врача гарантом безопасности, личным охранником и ассистентом. Пригодились и Знак охранителя, и умение качественно дать в морду, и какой-никакой опыт полевой медицины, подзабытый с рогенской кампании.

Глядя на то, как Бельская вытаскивает раненых с того света, отец Георгий благодарил Господа за возможность ей помочь. А что дамочка – колдунья, резковата и не всегда соблюдает приличия в разговоре (проще говоря, ругается хуже обозников) – так все мы грешны.

Колдовать рядом со святынями охранителей было сложно, и «Гоша, сгинь» стало паролем: «Отойдите, отец Георгий, подальше, пожалуйста. Когда закончу, сделаете перевязку».

Сейчас, после всех перемен, кто-то мог счесть оскорблением такое обращение к Провинциал-охранителю Гетенбергскому. «Оскорбленный» рисковал получить от отца Георгия весьма пламенную отповедь, возможно, с превышением полномочий.

И не важно, что там пристало, а что не пристало епископам.

– Не беспокойтесь, тезка. Это она мне – «сгинь», – сообщил охранитель кавалергарду. Отец Георгий даже сумел не улыбнуться, глядя на каменное лицо Георга фон Рауха.

Епископ ненадолго вышел, отдал распоряжения, кратко расспросил нескольких гвардейцев и вернулся. Хорошо, что место преступления было довольно большой комнатой, а то пришлось бы ждать за дверью.

– Итак, господин фон Раух, – миролюбиво сказал охранитель, – совершенно покушение на канцлера. Я обязан провести расследование, есть ли здесь магический или потусторонний след. Официально предлагаю вам содействие.

– Спасибо, – безупречно-светски кивнул кавалергард, – буду иметь в виду.

– Я уже вызвал эксперта по магии, – сообщил отец Георгий. – Еще одного вашего тезку.

Почему-то для охранителя было очень важно подколоть самого жуткого из кавалергардов, носителя массы прозвищ – и Цепной пес, и Палач, и Меч Императора... И Голос Императора – но это уже должность, их всех так называют.

«Он меня напугал, – признался сам себе отец Георгий. – До сих пор страшновато, вот и куражусь».

– При всем уважении, – ледяным тоном ответил фон Раух, – это дело Кавалергардского Корпуса. У нас есть свои эксперты.

Дверь открылась, по комнате пронесся шепоток множества людей – в коридоре собралась толпа гостей бала, и все жаждали новостей. Кто-то даже пытался прорваться, но гвардия

не пустила. Работает Корпус, все под контролем, а вы, уважаемый, кто будете? Генерал? Так войны нет. Освободите проход, будьте любезны.

Вошел слегка растерянный гвардеец.

– Господин фон Раух, тут Его Преосвященству епископу кота принесли. Прикажете впустить?

Отец Георгий не стал ждать ответа. Вышел и вернулся с мохнатым серым зверем на руках.

– Позвольте представить, – чуть поклонился охранитель. – Кот Дымок, лучший эксперт по следам магических воздействий.

Георг фон Раух¹ фыркнул и иронично ответил на поклон:

– Рад приветствовать достойного представителя котов Святого Официума.

Кот спрыгнул на пол. Осторожно, стелящимся шагом прошелся по комнате. Шагнул было к кавалергарду, но из-за кресла к ногам фон Рауха вышел еще один котяра – черно-белый, в цветах Корпуса, умопомрачительно элегантный, с серебряным ошейником из аксельбанта.

– Господин Курфюрст, – кивнул кавалергард на своего кота. – Наш эксперт.

– К-котоферма! – хохотнул канцлер и продолжил, несмотря на шиканье Бельской: – Так драка-то будет? Хотя бы кошачья?

Воронцова снова проигнорировали.

Серый котик обогнул кавалергарда, повел носом, чуть прянул ушами и двинулся дальше, сделав вид, что Курфюрст тут совершенно не при чем. Кот-кавалергард мурлыкнул, улегся у сапога фон Рауха, но продолжал следить за Дымком.

Рядом с Бельской Дымок задрал хвост трубой, громко заурчал и потерся мордочкой о ее ногу.

– Вы нравитесь зверю, Виктория, – на удивление мирно, без подколов, улыбнулся канцлер. Его лицо порозовело, ушла синева с ногтей, и в целом Воронцов выглядел уже совсем неплохо.

– Хотела бы я отнести это на счет своего обаяния, но дело в профессии, – ответила Бельская, заканчивая перевязку. – Животные просто любят ментальных магов. – Она завязала последний узелок и повернулась, держась за поясницу. Протянула руку к Дымку – кот тут же ткнулся головой ей в ладонь.

– Да ты киса, ты хорошая киса... Ты умничка, ты всю нечисть сейчас переловишь, красавец. Еще и ласковый, не то что некоторые...

Канцлер опять нетактично фыркнул, и тут же сморщился от боли.

– Осторожнее, Ваше высокопревосходительство, – в голосе фон Рауха трещинкой звучала усмешка, – действие анестезии проходит, не растревожьте рану.

– Господин канцлер, – вкрадчиво спросил отец Георгий, мягко переступив поближе к Воронцову, – вы можете рассказать, что случилось?

Охранитель встал между канцлером и кавалергардом, всем видом показывая – от меня не отвязаться. Придется ответить на вопросы.

– Понятия не имею, – пожал плечами Воронцов, досадливо поморщившись. – Это Павел Лунин, мы с ним лет двадцать не говорили, – канцлер хмыкнул, но уточнять не стал. – Он окликнул, я обернулся – а из живота уже нож торчит. Спасибо Георгу, не дал психу меня дорезать. – Канцлер мотнул головой в сторону кавалергарда и замолчал на несколько секунд, справляясь с тошнотой. – Простите... Мне сейчас очень странно. Я ведь и без этого вашего магического зелья призрака

видел. Думал – все, пришла за мной костлявая.

– Расскажите, пожалуйста, поподробнее, – вкрадчиво попросил епископ. – Призраки по моей части.

¹ Rauch – дым на старогётском

Канцлер отвел глаза.

– Лиза. Лунина. Покойная сестра этого... убийца дерганого. Моя первая любовь. На старости лет да перед лицом смерти, – канцлер перешел на пафос дешевой пьески, – такое вспоминаешь отчетливо, особенно, когда видишь во плоти...

– Вынужден разочаровать, – вклинился кавалергард. – Это был не призрак, а вполне живая племянница Лизы, прибежала на вопль папеньки. Изумительное фамильное сходство, но никаких привидений. Ваше Преосвященство, опрос потерпевшего закончен.

Там временем кот Дымок обходил оглушенного Лунина. Зверь двигался аккуратно, будто перетекая, осторожно ставил лапки так, чтобы не испачкаться в крови.

Рядом с забинтованной культей Дымок снова поднял свой роскошный пушистый хвост.

Отец Георгий скосил глаза на кавалергарда. Тот пристально смотрел на Дымка, но охранителю показалось, что мысли господина фон Рауха витают где-то очень далеко от залитой кровью гостиной.

Возвращаясь на подворье, отец Георгий чувствовал не утонченные запахи разбитых на бульваре клумб, а тошнотворную вонь канализации. В памяти оживала его первая встреча с кавалергардом фон Раухом. Это было почти четверть века назад, в правление императрицы Изольды, но воспоминания остались отчетливыми, как будто та драка была вчера. Или длится до сих пор.

В катакомбах смердело – смесь испражнений, разложившихся тел, гнили и слизи. Разгром логова людоедов в залитых нечистотами подземельях под Гетенбергом после стали называть «Дерьмовой бойней». Что, вообще-то, полностью отражало суть.

Кровь мешалась с грязью, от невыносимой вони резало глаза, факелы шипели и гасли, когда из вязкой темноты вырывались нечеловечески быстрые твари, родившиеся людьми. В тоннелях старой канализации poleg почти весь отряд охранителей.

Твари защищали свои гнезда и право жрать людей.

Сержант Михаэль Фальке (отцом Георгием он станет спустя год) нес в заплечном мешке фляги с освященным лампадным маслом. Два гнезда уже сгорели синеватым огнем, осталось еще одно.

«Не дай жить тому, кто убивает людей ради своей утробы», – коряво объяснял он намного позже. Михаэль никогда не отличался особенным красноречием. «Жги людоедов!» – и ткнуть факелом. Пусть корчатся.

Пламя занялось мгновенно. Окутало синим облаком с рыжими сполохами последнее гнездо, похожее на кучу гнилого тряпья. Что-то зашевелилось в нем, взвыло, белесая тварь размером с трехлетнего ребенка, оглушительно визжа, вылетела из кучи. Рядовой Гришка пинком отправил ее обратно – гореть. Повернулся к сержанту, открыл рот – сказать что-то...

С темного свода тоннеля на него прыгнул монстр. Раздался влажный хруст, зазевавшийся Гришка осел в вонючую слякоть, сержант отпрыгнул к осклизлой стене – на то место, где он только что стоял, приземлилась вторая тварь.

Над щегольским кружевным воротником с оборванной тесьмой отделки скалилась жуткая, удлиненная морда.

«Придет серенький волчок...» – невпопад вспомнилось сержанту.

Твари и правда немного походили на волков. Только не на лесных хищников, вечную беду пастухов, а на хитрых разумных тварей, способных сожрать бабушку, нацепить ее одежду и дожидаться внучки.

Охотники ведь не каждый раз приходят...

Сержант увернулся от когтей, провел обманную атаку, целясь в живот твари. Чудом удержал равновесие на размокшей грязи, покрывавшей пол тоннеля, но сумел не уронить факел.

Делая вид, что поскользнулся, дождался от противника следующего замаха когтями и провел точный укол в подмышку.

Зубастые уродцы когда-то были людьми, крупные сосуды у них расположены почти по-человечески.

Рядом орал кто-то из отряда. Хрипела, подыхая, разрубленная другим охранителем тварь. Скрип когтей по каменной кладке мешался с чавканьем нечистот под сапогами.

Гнездо горело уже без голубых отблесков. Столб дыма уходил вверх, в квадратную дыру в потолке – на счастье людей, здесь сохранилась вентиляция. Пока еще огонь потрескивал, но становился все тусклее. Еще несколько минут – и останутся только свет факелов да тлеющие угли.

– К стенам! – рявкнул сержант, скорее почуяв, чем увидев, как из дыры выбираются новые твари.

Нестройный залп пистолетов. Заряжать снова нет времени – весь мир стал чередой уда-ров, блоков, финтов и уколов. Сержант был бы рад возможности пользоваться двумя руками, но берег факел. Остаться без света в катакомбах – верная смерть.

Рядом, заковыристо ругаясь, рубил тяжелым тесаком брат Вильгельм. Там, где только что был Славка, самый молодой из отряда, шевелилась невнятная булькающая куча. Парень сумел повалить нападавшего монстра и разmozжить ему череп о камни, но в этот момент второй вцепился ему в плечи и попытался вгрызться в затылок сквозь кольчужный капюшон. Не сумел порвать тонкое плетение, фыркнул и разинул пасть неожиданно широко, сминая шею вместе с кольчугой. Последним усилием Славка скинул с себя людоеда, добил поваленного, но тут же сам осел на его тело.

Сержант не мог сосчитать, сколько тварей сейчас нападало на охранителей. Гнездо погасло, из пяти оставшихся на начало боя факелов светило только два. Что стало с остальными – неясно.

Уклонение – защита – удар. Визг, треск, хлюпанье грязи под ногами, шипение, вой, чав-кающий шлепок – еще одна тварь сложила свою зубастую голову. Снова удар...

Грохот выстрела, почти сразу за ним – второй. Взмах факелом вырвал из темноты новую, незнакомую фигуру – невысокий человек в кожаной куртке, из-под нее блестел край кольчуги.

На его спину прыгнул очередной людоед. Неожиданный союзник извернулся, схватил его за когтистую лапу и швырнул головой в стену. Череп людоеда раскололся, как гнилой орех, мозги разбрызгались по шляпкам растущих в камнях грибов.

Удивляться некогда. Уклонение – удар – защита. Полумертвая тварь схватила за ноги, скользила бессильными когтями по толстой коже сапог, пинок, хруст, визг...

Боль в левом плече. Факел почти упал, но кисть сжалась еще тверже – зуб твари повредил какой-то нерв, разжать руку невозможно. Последний факел еще горел. Слава Тебе, Господи!

Сержант воткнул острие тесака в мутный глаз вцепившегося в руку монстра, провернул и стряхнул себя труп, почти не чувствуя боли. Вскинулся, ожидая новой атаки...

Вокруг были мертвые людоеды. Разрубленные, простреленные, заколотые твари в истре-панной, а когда-то дорогой и красивой одежде.

Брат Вильгельм привалился к стене, опустил свой тесак и тяжело дышал. Гришка выпол-зал из-под кучи тел, трясая головой. Неожиданный помощник помог ему встать, и Гришку тут же стошнило на оторванную руку – лапу, покрытую жесткой шерстью.

Остальные охранители не шевелились.

– Спасибо за помощь, – проскрипел сержант, с трудом сдерживаясь, чтобы не зашипеть от боли. Факел начал падать, он перехватил его правой рукой и обессиленно сел в грязь.

– Ты кто, спаситель? – невежливо, но с большим чувством спросил брат Вильгельм нежданного союзника.

– Дворник, – ответил тот, безглаголиво разглядывая разодранный рукав куртки. – Приблизюсь я тут. Вы бы сержанта перевязали, что ли, а то он скоро геройски истечет кровью.

Пока брат Вильгельм наскоро обрабатывал рану, «дворник» стащил трупы монстров на тлеющие угли гнезда. Их было вроде бы четырнадцать, но из-за мутной пелены перед глазами и накотившей боли сержант не был уверен, что посчитал точно.

Кажется, странный господин прекрасно видел в темноте. По крайней мере, обошелся без факела.

Потом «дворник» подошел к охранителям, забрал последнюю бутылку с маслом и облил останки. Факел снова не понадобился – пламя взметнулось мгновенно.

Незнакомец несколько секунд смотрел на дело рук своих, потом усмехнулся и перекинул через плечо стонущего Гришку.

– Сами дойдете? – бросил он сержанту и брату Вильгельму. – До выхода минут десять ковылять. Там подвал бани.

– Дойдем, – прокричал сержант, с трудом поднимаясь на ноги.

От известного охранителям спуска в катакомбы они шли сюда около часа.

Когда они выбрались в пахнущую мылом, березовыми вениками и ароматическими маслами подсобку бани, неожиданный союзник аккуратно сгрузил Гришку на лавку. Коротко, светски поклонился сержанту и вышел в коряво вымазанную белой краской дверь.

Через пару минут в подсобке был лекарь и все работники бани, имеющие хоть какое-то отношение к медицине.

Семерых погибших охранителей похоронили с почестями через два дня.

Отец Георгий редко вспоминал те времена – зачем? Было и прошло. Мало ли драк случилось и до, и после? Хотя, можно сказать, людоеды обеспечили епископу карьеру. Он, Гришка и отец Вильгельм получили личное благословение Архиепископа, ордена из рук императрицы Изольды и повышение в звании.

Рассказ о «дворнике» начальство почему-то проигнорировало. И им посоветовало помалкивать.

Во время вручения орденов за левым плечом Императрицы стоял элегантный кавалергард Георг фон Раух. Угадать в нем «дворника» можно было только при очень большом напряжении фантазии.

Сразу после церемонии новоиспеченный лейтенант Михаэль Фальке попросил о постриге и послушании охранителя. Ему не отказали.

Так появился отец Георгий. Прозвище «Жар-птица» он заработает позже.

Глава 3. Осколки разбитой жизни

Бриллиант на пальце Элизы издевательски сверкал. Играл гранями, разбрасывая острые, злые блики. Брось взгляд – порежешься.

Почему камень в твоих глазах расплылся праздничной радугой? Ты плачешь, девочка? Ты поранилась о кольцо? Тебе больно?

Некому утешить... И защитить некому.

Твой мир рассыпался осколками кривого зеркала. Никакие маги не соберут.

Элиза была под домашним арестом. Привычный, любимый дом стал чужим. Тюремщики не показывались на глаза, но арестованная точно знала – они здесь. У главных ворот и подъезда к кухне, на первом этаже... Везде. Даже пахло в доме теперь иначе, добавились нотки ваксы от надраенных сапог, влажного сукна мундиров после короткого дождя, сыромятной кожи ремней и еще чего-то пугающе – чужого.

Это был запах опасности, страха и беспомощности.

Впервые в жизни рядом с Элизой не было никого, кто сказал бы, что делать. Ни матери, ни отца (за что ты меня бросил?!), ни строгой няньки или монашки-учительницы.

Разрыдаться? А кто станет тебя утешать? Конвоиры?

Профессионально-вежливый следователь поговорил с Элизой еще в день покушения. Это было похоже на игру «Барыня прислала сто монет» наоборот. Там – «да» и «нет» не говорите, а здесь – сплошное «нет».

Отец никогда не обсуждал с ней канцлера. Нет, она не знает, кто еще участвовал в покушении. Нет, никто, не видела, даже предположить не могу, не догадывалась, не собирался, не верю, отец не стал бы, нет, нет, нет!!!

Следователь выслушал, покивал, скучнее с каждым ее словом, дал Элизе подписать протокол, окончательно потерял к ней интерес и больше не появлялся.

Заезжал Провинциал-охранитель Гетенбергский. Новый глава Официума искал магический след в действиях Павла Лунина. Элиза сначала кинулась к пожилому епископу с надеждой – ведь это так логично! Отца околдовали! Но никаких следов магии ни он, ни его роскошный кот в доме не углядели. Охранитель отечески посочувствовал Элизе, предложил обращаться к нему за любой помощью, если потребуется (скорее, чуть неуклюже соблюдая этикет) и удалился.

За неделю одиночества Элиза чуть не сошла с ума. Днем она чаще всего сидела в кабинете отца – из него были видны ворота во двор дома. Элиза надеялась, что кто-нибудь хотя бы помашет ей рукой от забора, покажет, что она не одна!

Но нет. Приезжал только один человек в штатском, смутно знакомый, но он не поднял головы на окна, и Элиза не смогла рассмотреть лицо под полями шляпы. Он о чем-то поговорил с охраной и уехал, не обернувшись.

Элиза гадала – почему? Зачем отец покушался на жизнь канцлера? Что случилось с господином Луниным, всегда спокойным, до предела мирным человеком? Какой морок на него нашел? Почему он не только свою жизнь загубил, но и обрек ее, единственную дочь, на судьбу арестантки?

Не было ответа.

Когда темнело, Элиза спускалась в гостиную и до ночи читала книги, сидя в кресле напротив двух парадных портретов. Привычная жизнь казалась счастливой, недоступной сказкой, но хотя бы они – пусть нарисованные! – остались прежними.

Мама и тетка, сестра отца. Обе давно умерли, но Элиза иногда разговаривала с ними. Шептала тихонько краске на холстах о своих бедах и радостях, просила совета – больше не у кого. Отец только отмахивался...

Казалось – становилось легче.

Вы ведь стали ангелами, правда? Присматриваете за мной, прекрасные фрейлины Императрицы Изольды?

Мама оставила службу, когда вышла замуж, а тетка так и умерла «под шифром». Заболела, выполняя какое-то поручение – и все. Только и успела завещать маленькой племяннице все свое состояние. Теперь оно стало приданым для грядущего замужества. Жаль, что Элиза так с тетушкой и не познакомилась. Отец рассказывал, что они с мамой очень дружили...

Говорят, Элиза – вылитая тетушка Елизавета. Внешне – может быть, лицо и правда похожее, только глаза не прозрачно-синие, а невнятно-карие. Но такой улыбки, осанки и уверенности в себе, как у этих дам, Элиза и раньше достичь не могла, а уж теперь...

«Помогите мне, пожалуйста! – беззвучно взмолилась она. – Посоветуйте, как быть!»

Дамы едва заметно улыбались. Как всегда.

Ободряюще? Отстраненно? С сочувствием?

Брось, девочка, это всего лишь краска на ткани в позолоченных рамах. Они не спасут.

Но Элиза все равно надеялась. Пусть случится хоть что-нибудь!

В то утро она устроилась с книгой в кабинете отца. Замерла, как в полусне, глядя на статуэтку на камине. Очаровательная пастушка кокетливо наклонила голову. У ее ног стояла такая же миленькая овечка.

Фарфоровые улыбки и ожидание – не тронут? Разобьют? Переставят в чулан? Ты можешь только ждать, красивая куколка. Почитай старую книгу, скрась одиночество...

По брусчатке двора простучали копыта. Элиза кинулась к окну.

Всадник уже спешил, она увидела только, как конюх уводил в сторону конюшен потрясающей красоты гнедую кобылу. Тонконогую, звонкую, быструю норовистую лошадку под черным седлом с серебряной отделкой. Кобыла фыркала, косила глазом на парня – а ты достоин водить Меня за уздечку? Посмотрим еще, как справишься...

Вряд ли на такой лошади прибыл кто-то из сторожей. И вряд ли так быстро пропустили простого посетителя.

Элиза спустилась вниз. Арест так арест. Уже все равно.

В гостиной стоял элегантный невысокий господин в черной форме с серебряным аксельбантом и смотрел на портреты фрейлин. Они, кажется, виделись...

«Стоять!» – эхом прозвучало в ее памяти.

Шаг Элизы стал тверже, внезапно для нее самой. Стук каблучков по паркету звучал громче, чем прилично для девушки из общества – но при чем тут приличия?

В ней поднималась незнакомая, жгучая, kloкочущая ненависть.

Я не звала тебя. Ты здесь не гость.

Прекрати смотреть на МОИХ дам!

Господин обернулся к ней. На доли секунды Элизе показалось, что вокруг него растекается рваное облако темноты, окутывает залитую солнцем комнату, течет в ее сторону...

Элиза моргнула, и наваждение пропало. Никакой тьмы, просто в глазах потемнело от злости. А перед ней – совершенно обычный человек. Почти обычный.

Темные волосы уложены в идеально ровную прическу, лицо чисто выбрито, на мундире ни пылинки, сапоги блестят, как будто секунду назад по ним прошла щетка чистильщика. Такой безупречности не мог добиться ни один из известных Элизе светских львов. Ее визитер был скорее парадным портретом, чем живым существом.

Говорят, врачи считают чрезмерную аккуратность тревожным симптомом.

Господин вежливо поклонился Элизе.

– Здравствуйте, сударыня, – мягко поздоровался он хорошо поставленным глубоким баритоном, – я Георг фон Раух, кавалергард Его Величества. Примите мои соболезнования.

«Предотвратил попытку покушения... Зарубил на месте... Цепной пес Императоров...» – эхом отдались в ее памяти перешептывания слуг.

И черное на алом. Запах крови, бой часов, закат.

Они были почти одного роста. Элиза смотрела на него в упор, не моргая. Ее взгляд – ненависть, вызов, отчаяние, разбивался об утонченную вежливость.

Элиза молчала.

– Я пришел сообщить, что с вас сняты все подозрения, сообщил фон Раух. – Павел Николаевич действовал один. Гражданская казнь совершена. Все его имущество подлежит конфискации, подробный перечень в уведомлении. Бумаги и личные вещи Павла Лунина вам вернут.

Он протянул Элизе длинный плотный конверт, коротко поклонился и направился к выходу.

Проходя мимо, кавалергард снова бросил взгляд на портреты.

Элиза остро пожалела, что в руке нет пистолета. Очень хотелось выстрелить в затылок, точно в основание короткой косички его щегольской прически. Она и не знала, что может – вот так. Ярko, до мелочей представить звук выстрела и отдачу пистолета. Брызги крови и мозги разлетаются по стенам, попадают на портреты, становясь языческой жертвой прекрасным мертвым дамам... И фрейлины довольно улыбаются искусно прописанными лицами.

Фон Раух не обернулся, только чуть дернул головой, как будто на затылок села надоедливая муха.

Секунд через десять после его ухода Элиза с трудом разжала сведенные судорогой пальцы, заломившие край конверта.

На официальной бумаге не было ни слова о том, что теперь с Павлом Луниным. Гражданская казнь – лишение дворянства, переломленная шпага над головой, казненный становится никем. Даже не смерть, мертвого можно вспоминать, его имя остается в сословных книгах, есть могила в фамильном склепе, есть день поминаения. После гражданской казни человек стирается целиком, не «был – и нет», а просто «нет». Так стерли старшего сына Императрицы Изольды за попытку покушения на царственную матушку... Теперь и Павла Лунина стерли, как мел с доски.

Элиза была уверена, что отец не умер там, в залитой кровью комнате. Когда ее выводили, она чувствовала – жив, и у него хватит сил справиться с раной. Элиза не знала, почему, но была убеждена, что все так и есть. Может быть, она просто очень хотела этого? Могло, конечно, случиться что угодно. Но если бы отец был мертв, ей бы отдали тело. Тем не менее, она не получила ни сообщения, ни приказа явиться за покойным, ничего.

Или письмо просто задержалось?

Всплеск ненависти встряхнул Элизу. Ей больше не хотелось сжаться в комок в кресле перед портретами, ждать и на что-то надеяться. Нужно было жить дальше.

Как? Неизвестно.

Но сначала нужно выяснить, что с отцом. И понять, что заставило его кинуться с ножом на канцлера.

Из открытого окна она слышала, как по двору простучали копыта сразу нескольких лошадей.

– Барышня, – поклонился вошедший дворецкий, – неужели все закончилось? Уехала охрана, только коробку с бумагами вам оставили.

– Да, – медленно проговорила Элиза. – Это – закончилось.

Она поднялась обратно в кабинет отца. Велела принести туда же все бумаги, отпустила слуг и еще раз очень внимательно перечитала уведомление.

Казна конфисковала имения, дом в Гетенберге и счета в банках. Суммы...

Что?! Писарь ошибся? Не может быть!

Элиза крепко зажмурилась, потрясла головой и снова посмотрела на аккуратные строчки.

На отцовских счетах не было денег. Совсем. Если собрать все жалкие гроши остатков, хватило бы, наверное, на ужин в узком кругу. На два уже вряд ли.

Отец зачем-то вывел все деньги из банков перед тем, как совершить покушение? Он кому-то за что-то заплатил? Его шантажировали?!

Почему он ничего не рассказал ей, своей единственной дочери?

«Это скучно для юной барышни, – вспомнила она слова отца. – Не забивай свою красивую головку сложными цифрами...». И жесткий смешок: «Волос долог – ум короткий».

Отец никогда и ничего ей не говорил. Отмахивался на вопросы, высмеивал наивный интерес, не воспринимал всерьез. Она заказывала платья, шляпки и букеты, составляла меню обедов, рассылала приглашения на свадьбу, изводила ювелиров требованиями подобрать камни нужных оттенков и никогда не спрашивала, хватит ли денег заплатить по счетам. Казалось, их богатство – что-то само собой разумеющееся, вечное, как фамильный герб, как галерея портретов предков, как имения и замки, как имя!

У отца больше нет имени. И замков нет.

Еще надеясь на что-то, Элиза вытряхнула на стол документы из коробки. Схватила первый, попавшийся под руку. Это оказалась закладная на одно из поместий. Крайний срок выплаты – десятое сентября, через неделю. Она отбросила бумагу, взяла следующую...

Примерно через полчаса ей стало окончательно ясно – отец был разорен. Полностью. Долги превышали все возможные доходы, и к концу сентября он оказался бы на улице, если не в долговой тюрьме.

Пять лет назад скончалась Императрица Изольда. Умерла во сне, тихо, совсем не так, как жила. Ее старший сын и наследник всего-то пару лет не дождался трона, попытался совершить переворот и был казнен. Младший. Ульрих, задолго до смерти матери отрекся от всех прав и пропал. Говорят, постригся в монахи. Наследниками остались его дети.

Императором должен был стать старший внук Изольды Константин, но перед смертью она объявила последнюю волю – отдать трон Александру.

Потом кто-то говорил, что завещание было подлогом, а кто-то клялся в его подлинности. Правду так никто и не узнал.

Империя раскололась на два лагеря. После серии кровопролитных битв и мелких стычек началась такая неразбериха, что сам черт сломил бы голову, разбираясь в хитросплетениях войны двух императорских армий, баронов, объявивших независимость, самопровозглашенных вольных городов и обычных разбойничьих банд. Кто первый назвал этот кровавый ад «Война принцев» – неизвестно. Но прижилось.

Павел Лунин в деталях взаимоотношений сторон и не пытался разобраться – голову бы сохранить. Но не сумел удержать сына. Брат Элизы горячо поддержал принца (Императора!) Александра и сложил голову в битве при Гарце.

Элиза тогда воспитывалась в монастыре под Гетенбергом. О течении войны она почти ничего не знала – монашки строго следили за тем, чтобы никто из подопечных не получал лишних известий. Ее вызвали в столицу только на похороны брата.

Мама... Она простудилась на кладбище, под ледяным ливнем. Не стоило так долго стоять над могилой единственного сына, воспаление легких – не шутки.

В тягучем кошмаре первого в жизни горя Элиза не сразу поняла, насколько изменился отец. Павел Лунин поседел, сгорбился и в свои сорок пять выглядел древним стариком. Он почти не разговаривал несколько месяцев. От веселого, жизнерадостного помещика осталась только осунувшаяся тень в траурном костюме. Он пытался начать жить заново, но – не получилось.

Принц Александр опирался на промышленников и после коронации начал претворять в жизнь данные им обещания. Для многих землевладельцев, чей доход составляла в основном плата от фермеров-арендаторов, это стало началом краха. Восстанавливать разоренные войной хозяйства было почти не на что. Бывшие крестьяне толпами отправлялись в города, где на открывающихся заводах и мануфактурах платили пусть небольшое, но регулярное жалование. Кто-то, конечно, оставался на земле предков, но это не спасало.

Павел Николаевич попытался сделать несколько выгодных вложений капитала, но его предприятия прогорали. Элиза нашла пачку писем от управляющих – приказчики сетовали на воровство, лень работников, плохую погоду и общее невезение.

Содержать поместья становилось все сложнее, и когда-то одна из богатейших фамилий Империи была вынуждена продавать земли. Копии купчих были здесь же, в коробке. Элиза не слишком много понимала в ценах на недвижимость, но догадалась, что вначале отец еще торговался, а после сбывал поместья за бесценок, лишь бы взяли, чтобы покрыть растущие долги. Он создавал иллюзию благополучия, шутил и веселился, готовил для дочки подарок на свадьбу...

Зачем?!

«Он хотел успеть выдать меня замуж, – солнечным ударом, тяжелой, глухой болью пришла к Элизе догадка. – Я бы стала Румянцевой, а он... Отец даже не спросил меня! Ему было неважно! Лишь бы исполнить долг, пристроить дочь в хорошие руки...»

«И что бы это изменило? – грустно хмыкнула она. – Что бы ты сделала?»

Горькая слеза обожгла, сорвалась с ресниц и упала на гладкую, плотную бумагу уведомления из императорской канцелярии. Растеклась прозрачной каплей на строке «особняк по адресу... надлежит освободить в срок...»

Кто ты теперь, девочка? Без положения в обществе, без приемов в знатнейших домах Гетенберга? Без поместий, дохода, без семьи... Кто ты, Елизавета Павловна Лунина?

Чего ты стоишь сама по себе?

Она зябко вздрогнула. Теплый ветер из окна не спасал от ледяного ужаса. Будто ее, как в древние времена, вывезли в заснеженный лес – иди! Ищи избушку ведьмы, или Морозко, а скорее – смерти в ближайшем овраге.

Глава 4. Приметы грозы

На небе не было ни облачка, солнце подбиралось к зениту, только ветер подул чуть сильнее и принес слабый запах распаханых под озимые поля к востоку от столицы. И еще начал побаливать старый шрам епископа Георгия, Провинциал-охранителя.

Верная примета. К грозе.

Почти четверть века назад тварь из канализации раздробила зубами левое плечо сержанта стражи охранителей. Чуть повыше – быть бы епископу одноруким, а так только ноет к непогоде. Если к болям в спине (посиди-ка целый день в мягком кресле, разбирая бумаги!) добавлялось неудобство в плече, значит, точно скоро загрохочет.

Отец Георгий на всякий случай плотно прикрыл окно в кабинете.

Прогулялся от стола до двери, разминая ноющую руку. Пять шагов в каждую сторону, стук подошв глушит мягкий ковер. Наворотил роскоши предшественник, надо бы избавиться, да все не до того пока. В богатом интерьере отцу Георгию, привыкшему к простоте, было неуютно.

«Как муха в супе, – фыркнул он про себя. – Противно и супу, и мухе».

Крепкая дубовая дверь отделяла кабинет от приемной. Епископ подошел к ней, расправил плечи и прислонился лопатками к фигурной резьбе. Острые края выпуклых кленовых листьев впились в спину сквозь тонкую сутану, создали иллюзию массажа. Сдаваться в руки костоправа не было времени, и епископ пытался хоть так успокоить спину.

«Буду ходить перед Господом в стране живых»², – вполголоса сказал он.

Епископ поморщился, вернулся к столу и продолжил разбирать корреспонденцию. Наверху стопки писем лежал солидный пакет с вензелем Кавалергардского Корпуса, полчаса назад доставленный фельдъегерем. В нем оказалась «выписка из постановления о закрытии дела о покушении на канцлера Воронцова».

«Какая внимательность, господа кавалергарды...» – с сарказмом пробормотал отец Георгий.

Содержание послания на простой и понятный язык переводилось примерно так:

«Лунин в помрачении рассудка покушался на канцлера единолично, никаких сообщников у него не было. Покушение предотвращено кавалергардом фон Раухом. Преступник приговорен к гражданской казни. Приговор приведен в исполнение третьего сентября сего года».

Стоило бы порадоваться за канцлера, восхититься прытью фон Рауха, мельком пожалеть сошедшего с ума Лунина и забыть об этом грустном происшествии.

Но...

Во-первых, тело Лунина так и не дали обследовать охранителям. Просто отказали, без объяснений, а оснований настаивать у епископа не было. Может быть, он все еще жив? Гражданская казнь – разжалование, лишение всех привилегий и невозможность наследовать казенному. Есть человек – и больше нет. Отрубить голову для этого не нужно.

Во-вторых, расследование закончилось слишком быстро. Никто даже не попытался пройти по следу большого заговора, а он вполне мог быть. Совершенно не похоже на стиль Кавалергардского Корпуса, эти въедливые господа обычно ищут до упора, не стесняясь в средствах и не жалея времени. Значит, они просто выводят охранителей из игры.

Ты готов молча уйти, охранитель?

² Отец Георгий цитировал 9 строку 114 псалма: «Placebo Domino in regione vivorum». От «Placebo» произошло название «эффекта плацебо» – лечения, основанного на самовнушении пациента, а не действии лекарства.

От истории Павла Лунина отчетливо пахло чертовщиной. Пованивала даже не сама история, а что-то вокруг нее. Как будто из-за кустов выглядывали рогатые морды, подглядывали и хихикали – разгадаешь? Так и останешься в дураках?

За время, прошедшее с момента покушения, отец Георгий сумел выяснить очень немного. Вся немудреная добыча по расследованию лежала сейчас в тонкой папке у него на столе.

Пара листов – данные о состоянии дел Лунина, которые можно было описать одним словом: «разорен». Еще страница – стандартный отчет об исследовании на магию. Ни епископ Георгий, ни его сотрудники не смогли обнаружить на месте преступления ни следа колдовства, кроме лечащего. У двери Дымок что-то почуял, но при повторном осмотре даже ухом не повел.

В доме Лунина тоже все было чисто, контрабандный оберег от клопов в спальне слуг не в счет. Елизавета не может похвастаться даже зачатками способностей мага, не говоря уж о колдовстве посерьезнее. Ноль во всех смыслах.

Скорее из занудства, чем ради пользы дела, отец Георгий запросил копии записей о крещении Лунина и его дочери. Получить их было несложно – знать из Золотой Книги старалась крестить детей в Гетенбергском Кафедральном соборе. Результат вышел интересным.

Крестной матерью Елизаветы Луниной оказалась сама Императрица Изольда. Ничего необычного, в общем-то, – мать Елизаветы была фрейлиной, Императрица вполне могла сохранить с ней теплые отношения. Но крестным отцом значился Павел Николаевич Лунин!

Не может родной отец быть еще и крестным. Значит, Елизавета – не дочь Павла? Жена изменила, родила ребенка, а Императрица уговорила его принять дитя?

Всякое, конечно, бывает, но что-то тут не сходится. Обманутый муж крестит ребенка жены? Вряд ли. К тому же все свидетели хором говорили, что Лунин в дочке души не чаял с самого рождения, а это маловероятно, если она – результат измены.

Отец Георгий вернулся к записям о финансах Луниных. Единственный нетронутый счет – наследство Елизаветы от ее тетушки, тоже Елизаветы Луниной, умершей за пару недель до рождения племянницы.

«Точная копия покойной Лизы...» – вспомнил охранитель слова фон Рауха.

У этих странностей было одно простое объяснение. Скрыть дату появления на свет младенца нетрудно, нужна всего лишь молчаливая кормилица. Так что если Елизавета дочь не Павла и Елены, а другой Елизаветы от неизвестного любовника, все сходится – и крещение, и любовь отца – дяди, и наследство, и фамильные черты. Павел не хотел порочить память о любимой сестре, умершей в родах, и не пожелал племяннице судьбы бастарда. Выдал дитя за родную дочь. Все логично.

Какое это имеет отношение к покушению на Воронцова? Никакого, скорее всего. Просто разминка для ума.

Интересно, кто же тогда настоящий отец Елизаветы, и при чем тут Императрица Изольда?

Размышления епископа прервал решительный стук в дверь.

После разрешения вошел отец Василий, викарий Провинциал-охранителя. Второе лицо в гетенбергском Официуме, заместитель и правая рука прежнего епископа. Если бы все шло своим чередом, он бы сейчас носил архиерейскую мантию, но Владыка решил вызвать отца Георгия, и все переиграли.

Новый Провинциал-охранитель сразу после назначения загрузил викария хозяйственной работой, а сам стал вникать в вопросы следствия. Что об этом думал несостоявшийся епископ – доподлинно не известно, но отец Георгий был уверен, что библейской кротостью там и не пахнет.

Отец Василий коротко поклонился, точно дозируя почтение и независимость. Подал начальнику пухлую папку с документами на подпись, дождался приглашения сесть и застыл статуей «идеальный подчиненный ожидает распоряжений».

Викарий был невысокого роста, крепкий и жилистый, быстрый, как ласка. Лет сорока с небольшим. Он сидел напротив нежданного начальника и смотрел прямо, открыто и спокойно. Отец Георгий подозревал, что так же спокойно, не меняя выражения лица, викарий проводит в последний путь гроб с его телом и приступит к исполнению новых обязанностей.

Жар-Птица надеялся, что произойдет это еще не скоро.

Впрочем, как знать?

Отец Георгий просмотрел документы. Наверху лежала смета расширения кошачьих вольеров. Строительство, еда (поди-ка прокорми такую ораву), жалованье служащим (кто-то должен кормить, гладить и убирать) и так далее. Еще несколько хозяйственных документов и...

«Представление о награждении орденом Огненной Звезды лейтенанта третьего рейтарского полка Юлии Орловой»

Отец Георгий поднял глаза на заместителя.

– Вас интересуют подробности? – подчеркнуто предупредительно спросил отец Василий.

– Да, – кивнул епископ, в который раз проигнорировав выпад в свой адрес. Хочется викарию норов показать – сколько угодно, лишь бы работал. Окоротить всегда успеется. Отец Георгий просто добавил:

– Высший орден Империи за борьбу с нечистью – это серьезно. Расскажите.

Епископ слегка лукавил – он читал отчеты. Заместитель, конечно же, прекрасно это знал. И знал, что начальник в курсе его знания... и так далее. Но субординация есть субординация.

– Все началось с браконьерства... – сообщил викарий.

Дубовая роща у деревушки Лукоморье на юге Гетенбергского округа росла с незапамятных времен. Грюнфельдский тракт шел западнее, и когда-то густонаселенная местность стала совершеннейшим захолустьем. Выращивать что-то на продажу там мешали расползающиеся топкие болота. Свой огород обиходить бы, какая уж торговля. Здесь промышляли засолкой грибов и капусты, но в последнее время и это дело захирело.

В самой деревушке после Войны принцев осталось полтора целых дома. Судя по записям фискального ведомства, там жило несколько особенно упертых крестьянских семейств. Земля принадлежала короне.

О тех краях ходили сказки. Впрочем, почти такие же байки, выросшие из былей времен Мстислава, можно было услышать во всех уголках Империи. Да и деревень с таким названием в закоулках бывшего Тридевятого царства осталось немало.

Как уже говорилось, началось все с рощи. Кто-то небрежно срубил несколько десятков вековых дубов, остались корявые пеньки и гора щепок. Лесник и рад был бы списать убыль дерева на ураганы или бобров, а то и вообще не заметить безобразие, но на беду неподалеку случился урядник.

Он приехал разобраться с поджогом домика зловерной бабки-травницы. Старуха дошла аж до уездного города и требовала привлечь по всей строгости своего собутыльника, спалившего хату.

Урядник приехал в захолустье, поглядел на угольки, описал со слов бабки утраченное имущество, а на обратном пути углядел нескольких мужиков с подводой подозрительно толстых дубовых бревен и велел показать разрешение на вырубку. Слово за слово...

Каким чудом уряднику удалось унести ноги, он и сам не знал. В седло прыгнул, говорит. А следом – то ли демоны крыльями хлопали, то ли еще какая жуть. И глаза горят. Вас бы туда, вы б тоже ни черта не запомнили.

Тут уже всполошились охранители. Допросили урядника, рвущегося вернуться с подкреплением «размотать ихнюю кодлу», и отправились посмотреть, у кого это глаза горят. На всякий случай попросили поддержки у местного гарнизона и получили взвод рейтаров под командованием дамы-лейтенанта Юлии Орловой.

Скорее всего, полковник попросту хотел хотя бы ненадолго избавиться от навязанной ему проблемы. Баба в форме это, конечно, очень в духе нового правления, но на практике – головная боль. Как обращаться с таким чудом-юдом – непонятно. То ли Марья Моревна, то ли Василиса Микулишна, то ли черт ее знает. Сказочные богатырши хотя бы не служили в регулярной армии.

На место отправились двое охранителей под охраной рейтаров. Обнаружили вырубку, пустую сторожку лесника и полное отсутствие поддержки со стороны местных жителей. Только бабка – погорелица, притулившаяся в заброшенной хате на окраине деревни Лукоморье, указала на заимку в лесу.

Хотя заимкой добротный сруб, окруженный частоколом, назвать было сложно. Это был, скорее, небольшой форт, а обитало в нем три десятка дезертиров с Войны принцев.

Урядник долго чесал в затылке и ругался – как просмотрели эту пакость? Лесник-то точно с ними в сговоре, к гадалке не ходи, паскуда лысая.

Если бы лесные богатыри-разбойники пошли на сотрудничество с церковными следователями, у них были бы все шансы отделаться штрафами за браконьерство и парой лет исправительных работ. Горящие глаза можно и списать на излишнюю урядникову впечатлительность.

Но, видимо, на их совести были не только вековые дубы. Охранителей не пустили на порог, продемонстрировали несколько потертых, но добротных пицалей и предложили два варианта. Либо вы, добрые пастыри, проваливаете на все четыре стороны – впрочем, бабу можете оставить. Либо ваши косточки обглодают волки.

Охранители хором охнули. Со взводом рейтаров штурмовать лесное укрепление – само по себе идиотизм. Если уйти, вся разбойничья шайка разбежится.

Решили отправить гонца за подмогой, а самим посторожить. Ситуация сложилась патовая – разбойникам не выйти, охранителям не зайти. Два дня прошли в вялых переговорах с атаманом, плюгавым бородатым мужиком. Госпожа Орлова в переговорах участвовала, старательно доводя атамана до белого каления. Поначалу он пытался игнорировать «дурную бабу», но не вышло, и вскоре главарь разбойников на повышенных тонах обещал ей массу неприятностей, в основном сексуального характера.

На третью ночь, под полной луной, началось.

Отряд поддержки охранителей ждал нападения, но не с воздуха. Волки-оборотни – дело привычное, медведей тоже видали, но гуси? Или как в сказках – гуси-лебеди?

Видимо, разбойникам было жаль накопленного добра, иначе они в первую же ночь улетели бы из осажденного дома. Но когда стало ясно, что сейчас тут будет солидное подразделение имперской армии, самосохранение победило жадность.

Тридцать крылатых тварей весом со здоровых мужиков взлетели над частоколом. Опешившие рейтары потеряли несколько секунд, а после дали залп. Но рейтарские пистолеты – это не охотничьи ружья, попасть в птицу, даже очень крупную, из них не так-то просто. Двоих гусей зацепило, остальные продолжили взлет, рейтары перезаряжали...

С неба камнем упало что-то небольшое. Плюгавый атаман, почему-то не превратившийся, а летучий в первозданном виде, спикировал, как чайка за рыбой, и схватил лейтенанта рейтаров Юлию.

Дальше показания расходились. Кто-то говорил, что охранители хором взвыли псалом, и от того бородатый рухнул на землю. Кто-то вспоминал, что никакого псалма не было, а была ругань Юлии и дикий визг атамана. Кто-то, не вникая в сложности, перезаряжал и палил по гусям, резонно предположив, что пристрелить лейтенанта, целясь в разбойника, не самая хорошая затея.

Так или иначе – атаман верещал, кувыркаясь в воздухе. Гуси-лебеди спешили ему на помощь, попадая под пули. Охранители стреляли вместе со всеми – толку от их Знаков сейчас было немного.

Когда гуси подлетели к атаману, визг смолк, а еще через секунду вся летучая компания рухнула с неба. Гуси-лебеди снова стали людьми, да еще и смачно приложились о матушку-землю. Выжили в итоге трое.

Юлия как-то извернулась и сумела использовать противника для смягчения удара. Дух из нее ненадолго вышибло, но серьезных повреждений лейтенант Орлова не получила.

Осмотрев труп атамана, охранители уважительно хмыкнули. У летучего бородача были разможены гениталии, почти оторвано ухо и сломан нос. Умер он, скорее всего, от падения, попав головой на острый камень.

В доме банды обнаружили деньги, ценности и измученную немую девушку, позже опознанную как пропавшая купеческая дочка. Девушка мычала и цеплялась за серо-бурые ветхие тряпки, бывшие когда-то рубахами.

Отец Василий описал всю историю в нескольких скупых предложениях. А в конце добавил:

– Если бы лейтенант Орлова не сумела сначала спровоцировать атамана на попытку похищения, а потом нейтрализовать его, вся банда могла бы уйти. А за этими гусями числится длинный список. Убийства, похищения людей, не говоря уже о разбое, кражах и браконьерстве. Еще предстоит выяснить, как это обычные дезертиры научились превращаться в летучих тварей.

– Героическая дама, – кивнул епископ. – Сочту за честь поздравить ее с наградой. Но почему представление делаете вы, а не служители районного управления?

– Они не осмелились. Один из высших орденов Империи, пусть и третьей степени. Попросили меня.

Заместитель смотрел на отца Георгия абсолютно честными глазами старого служаки, вынужденного объяснять выскочке из захолустья, что тому еще придется заслужить доверие подчиненных.

Слишком честными, пожалуй.

Епископ поставил на представлении к ордену размашистую подпись и приложил личную печать.

Остался еще один вопрос, который он не стал задавать вслух. Если в отчетах об этом ни слова, значит, либо ответа еще не нашли, либо викарий не хочет заострять на нем внимание начальства. В любом случае спрашивать нужно у тех, кто там был, а не у своего заместителя.

Кто и как сумел отключить магию в разгар драки на лесной заимке? Если колдовство держалось на атамане и пропало с его смертью, гуси-лебеди упали бы после его гибели. Но (отец Георгий на всякий случай сверился с отчетами охранителей) все рухнуло одновременно.

Сработали псалмы? Сомнительно – петь охранители начали почти сразу, а эффект молитвы не накапливается, он либо есть, либо нет. Чаще, увы, нет.

Знаки охранителей дают магию в радиусе максимум пяти метров. Взлетевшие разбойники были далековато.

Так что же случилось?

Он пометил себе поговорить с участниками событий и встал из-за стола. Пора было ехать к Архиепископу с докладом.

Глава 5. Архиепископ Гетенбергский

Старый священник дышал неглубоко и трудно. Он полулежал в кресле, медленно перебирая четки. Отец Георгий следил за его пальцами в старческих пятнах, слушал методичные щелчки каменных бусин и ждал. За две недели с их последней встречи Владыка пугающе сдал, скорее всего, скоро в столице будет новый Архипастырь.

Отец Георгий уже закончил короткий доклад. Полученные сведения поставили жирную точку в расследовании, можно было передавать нескольких мздоимцев-подельников на суд Конклава и желательно побыстрее – они наворовали и на весьма жесткий приговор светского суда. Если в кратчайшие сроки не возместить казне убытки, получится вынос сора из церковной избы, которого как раз и хотел избежать Владыка.

Архиепископ выслушал с интересом, благословил передать обвинения юристам Конклава, но вместо завершения аудиенции замер в кресле, как будто собираясь с мыслями, чтобы выдать Провинциал-охранителю новую задачу.

Или просто дух переводил? Больные старики быстро устают.

В камине уютно потрескивали березовые дрова. На изящной маленькой жаровенке подогревался чайник. Пахло чабрецом, давленной клюквой и едва заметно ладаном, за многие годы богослужений ввевшимся в одежду старого священника.

– Помру я скоро, Георгий, – негромко сказал архиепископ. – Врачи говорят, жидкость вокруг сердца... Откачивали уже, втыкали в меня длинные иголки, да только впустую все. Время пришло.

– Мне жаль, Ваше Святейшество.

– И мне жаль, – очень серьезно кивнул архиепископ. – Сейчас Церкви защита нужна, как никогда. А я уже не смогу... Значит, придется тебе.

– Я... – отец Георгий замялся. Что сказать? «Я солдат, а не интриган»? – а то Владыка не знает. «Мне бы с новым законом «О магии» разобраться»? – так это твоя служба, охранитель. «Бог не выдаст – свинья не съест»? – уже хамство.

– Я не понимаю вас, Владыка. Что угрожает Церкви? Внутренние проблемы решаем сами, а разрешение на магию одобрено Святейшим Синодом, Император благословил...

Архиепископ вздохнул. Несколько раз кашлянул, держась за грудь. Потянулся трясущейся рукой к портьеру, закрывающей нишу рядом с креслом.

Отец Георгий встал и отдернул тяжелую ткань. За ней обнаружился столик, заставленный коробочками, флаконами и баночками. На большой стеклянный графин с водой была приклеена бумага с расписанием времени приема лекарств.

– Послушник следит, да только сегодня я его по делам погнал... – выдохнул архиепископ.

Охранитель налил воды в стакан, сверился с бумагой и смешал микстуру. По покоям Владыки разлился запах мяты и пряных трав, смешался с чабрецом и ладаном, сплелся в новый аромат, как у лучших парфюмеров.

– Спасибо, – кивнул архиепископ, принимая лекарство. – Проскриплю еще сколько-то, вашими молитвами... Садись, отец Георгий, чайку себе налей, поговорим, пока могу.

Архиепископ пожевал губами, допил лекарство, взглядом попросил налить новую порцию и снова принялся за четки. Охранитель ждал.

– Император... благословил, – негромко начал архиепископ. – Благословил использование незловредной магии, благословил своих ищеек рыться в бухгалтерии Синода, благословил канцлера проработать изменения в земельный кодекс, чтобы монастыри и общины платили налоги с приносящих доход земель... дело вроде бы благое – искоренить мздоимство, пустить средства на богоугодные дела, а не в карманы иерархов... А то ишь, набили мы карманы, лопнут скоро, – с горьким сарказмом закончил он.

Видимо, в микстуре было какое-то весьма мощное зелье. Владыка больше не задыхался, мог говорить длинными фразами и в целом стал выглядеть намного лучше.

Охранитель смотрел на обстановку приемной. Простая мебель, никакого богатства. Потертый ковер на полу, на нижнем краю портьеры аккуратная штопка, столик слегка поцарапан, книжному шкафу уже лет двадцать сравнялось, но все еще крепкий. К чему менять?

Самый роскошный предмет здесь – кресло Владыки. Мягкое, обито вышитой тканью, пуховая перина, а не кресло. Так у Архиепископа суставы ноют от старости. Кому лучше станет, если Владыка не сможет обедню отслужить из-за боли в костях?

Конечно, отец Георгий видел и другие апартаменты служителей Церкви. Даже его собственный кабинет, доставшийся от предшественника, был обставлен намного богаче кельи Архиепископа. Пока предыдущего Провинциал-охранителя Гетенбергского не доконали старые раны, напряженная работа и не слишком подходящие для церковника виды отдыха, он превратил свои покои в нечто среднее между музеем и будуаром стареющей светской львицы. У отца Георгия пока руки не доходили избавиться от излишне мягкой кровати с балдахином, и каждое утро он маялся больной спиной, привыкшей к тонким соломенным тюфякам и голым лавкам.

– Люди грешны, Владыка. Не все согласны на скромность, – хотел добавить: «сами же видите – работаем», но не стал. Архиепископ явно имеет в виду что-то еще.

– Ты прав, – преувеличенно серьезно ответил Архиепископ. – Еще огонь горячий, вода мокрая, и Ристер впадает в Западное море. А некоторые священники любят роскошь. Слышал расхожую присказку – «нет святых в каменных палатах»?

– Кроме Императора. Он – святой.

Архиепископ сцепил пальцы в замок, хрустнул суставами и сказал просто и страшно:

– В этом и проблема, отец Георгий. Мы все знаем, что Помазанник Божий наделен Благословлением своего предка Мстислава. Потому и Церковь ему подчиняется, и магия на него не действует... Но... Я почти уверен – Император Александр не Благословлен.

Охранитель осторожно поставил на стол чашку с недопитым чаем. Встал, перекрестился на образ Спасителя в красном углу. Глубоко вздохнул и спросил севшим голосом:

– Вы понимаете, Владыка, что по закону я сейчас обязан вас арестовать за ересь? Назвать пункт Кодекса охранителей?

– Смешная получится коллизия, – грустно ответил Архиепископ, – особенно если в ходе следствия выяснится, что я прав. Лучше сядь и выслушай.

Охранитель подошел к стулу, с которого только что подскочил, взялся за спинку, но садиться не спешил.

– Мне трудно запрокидывать голову, – попросил Архиепископ. – Сядь, Жар-Птица. Костры будут позже.

Охранитель все-таки сел и скрестил руки на груди.

– Слушаю.

Архиепископ перевел дыхание. Откашлялся, отпил пару глотков лекарства и спросил:

– Насколько хорошо ты знаешь историю императорской фамилии? Хотя бы начиная с Изольды?

Отец Георгий хмыкнул. Владыка хочет устроить ему экзамен, как в семинарии? Хорошо, подыграем, проявим уважение к сединам и прошлым заслугам Архиепископа.

– Изольда – дочь Императора Конрада. После загадочной смерти старшего брата получила корону по завещанию. Говорят, в основном потому, что сумела за брата отомстить. А еще говорят, что после этой мести в магической академии Дракенберга выбирали нового ректора, потому что старого, Змея Триедина, принцесса подстерегла в человеческом облике, лишила магии и попросту забила насмерть. Сложно драконам бороться с Благословленными.

– С Изольдой все ясно, – кивнул Архиепископ. А дальше?

– А дальше она вышла замуж, и у них с принцем-консортом родились два сына. Старший решил, что мать засиделась на троне, попытался устроить переворот и был казнен. С женой он на тот момент развелся из-за бесплодия и подыскивал новую, но не успел, так что эта линия пресеклась. Младший, Ульрих, отрекся от статуса наследника и пропал. Остались его дети, внуки Изольды, Константин и Александр. После смерти бабушки они начали делить корону, и получился кошмар, названный Войной принцев.

– Все так, – вздохнул Архиепископ. – Теперь я расскажу, почему отрекся Ульрих... И не сверкай на меня глазами, Жар-Птица, это имеет прямое отношение к делу. Я же вижу, что ты решить не можешь – я тебе все еще начальник или уже обвиняемый? Выслушай показания, как и пристало следователю. – Владыка хитро усмехнулся. – Помнишь Рождество двадцать один год назад? Как одного молодого и шустрого служителя Официума позвали в Цитадель на праздник?

В тот день сбылась мечта молодого отца Георгия. Он оказался в нужное время в нужном месте. Родственник герцога Грюнфельдского, заслуженный старичок, увешанный боевыми орденами с ног до головы, на рождественском вечере обыграл в карты принца Ульриха и в качестве платы попросил провести его по подвалам Цитадели. Давно, мол, мечтал посмотреть на легендарные подземелья.

Отец Георгий в карты не играл, но стоял неподалеку и слышал разговор. Видимо, на лице молодого охранителя разом проявились все эмоции мальчишки, мечтавшего хоть одним глазком увидеть сердце Империи. Старичок хохотнул и позвал его с собой. Чуть позже к ним присоединилась фрейлина Императрицы Елизавета Лунина.

Всю дорогу старичок не скрывал восторгов, махал руками, задавал вопросы и пытался сунуться во все углы. Возможно, фляжечка старого вояки придавала ему бодрости. В какой-то момент фрейлина даже взяла его под руку, чтобы хоть как-то охладить пыл. На несколько минут он увлекся прекрасной спутницей, но вскоре снова начал охать, ахать и рваться сразу во все стороны.

Отец Георгий попросту не верил своему счастью, молча смотрел на древние стены и слушал рассказы об истории императорской твердыни. В подвалах было темно, и они взяли масляные лампы. Казалось, в неровном свете огоньков оживают старые хозяева крепости.

Четыре сотни лет назад в подземелье замка местного Кошея томилась Царь-Девушка, отданная своим отцом в жертву чудовищу.

– Говорят, – поделился Ульрих семейной легендой, – когда Основателю рассказали о том, что игла в яйце, яйцо в утке, а утка в зайце, он смеялся – зайцу, мол, пришлось хуже всех. А после разрубил мечом древнего колдуна, не вдаваясь в сложности. Без магии Кошей был, как говорили свидетели поединка, «чахлой скелетиной».

Мстислав женился на спасенной девице и стал царем ее народа. Их называли Гётами, и Мстислав не стал ничего менять. Бывший замок чудовища он сделал своей резиденцией, а город при замке без затей получил имя «Гётская гора» – Гетенберг на местном наречии. Очень удобное место – слияние двух рек, перекресток торговых путей. Раньше купцы платили золотом и товарами за право пройти мимо замка, а окрестные племена отдавали дань людьми за право жить на этих землях. Для купцов ничего не изменилось, а те, кто встал под руку Мстислава, платили ему преданностью.

«И по кунице с дыма», – вспомнил про себя отец Георгий.

Принц Ульрих говорил не только о Мстиславе – Основателе, но и о следующих владельцах крепости. О перестройке твердыни, легендарных подземных ходах и уникальной системе канализации, созданной в прошлом веке.

Старичок Грюнфельд зачем-то поднял лампу повыше и шагнул к решетке, за которой булькал насос. Обернулся к спутнице что-то сказать, оступился и опрокинул на себя и Елизавету Лунину горящее масло.

Он взвыл раненым вепрем, фрейлина ахнула, а отец Георгий, не думая, сорвал с себя плотную куртку и кинулся к ним, невежливо отшвырнув принца с дороги. Фрейлина была цела, только подпалила краешек платья. Старичку повезло меньше, по его щегольскому дублету плясали язычки пламени. Охранитель повалил его на пол и прижал огонь курткой.

Воняло гарью, рядом кто-то кричал, старичок дергался и пытался вырваться... и вдруг все закончилось. Огонь погас, даже не тлело больше ничего. Навалилась темнота – разом потухли все лампы в зале, только вдали мерцал одинокий факел.

Отец Георгий, охранитель, кожей почувствовал холодный, пронизывающий ветерок. Он не мог определить колдовство со всей точностью, озноб вызвала скорее догадка, чем чутье – но как еще огонь мог просто пропасть?

Только волшебством.

– Спасибо, святой отец, – сердечно поблагодарил охранителя наследник, снова зажигая свою лампу.

– Спасибо, – эхом повторила за ним Елизавета Лунина.

Сейчас, спустя больше двух десятков лет, те события казались подернутыми дымкой. Было? Не было?

«Было», – мрачно молчал Архиепископ. Вслух он сказал другое:

– Помнишь, как ты кинулся к начальнику с прошением об открытии дела? Как заподозрил фрейлину Императрицы в колдовстве?

– Расследованию не дали хода. А мне объяснили, что пока нет железных улик и доказанного вреда, фрейлина может творить что угодно на благо короны.

– Конечно, не дали хода. Такой скандал... Но Лунину проверили. И генерала Грюнфельда тоже, на всякий случай. Просто тебе, молодому да раннему, ничего не рассказали. Вся эта история хранилась в строжайшем секрете, было даже предложение аккуратно тебя убрать. Откусил бы тебе голову очередной оборотень, и дело с концом... Изольда запретила. Сказала, что тогда придется убивать всех, кто хоть что-то заметил, и будет еще хуже. Но за тобой приглядывали и при первой же оплошности отправили подальше от столицы. А Ульрих почти сразу отрекся.

Охранитель потер лоб. Почему-то вспомнились неотложные дела: недописанный бюджет, представление о наградах, план пресечения контрабанды магических артефактов из Заозерья...

– Сбежать хочешь? – участливо спросил Архиепископ. – Я тоже хочу. Но некуда.

Отец Георгий надолго замер, держа на весу чашечку с чаем. Известие его парализовало. Ни шевельнуться, ни вздохнуть он не мог.

Магом был Ульрих. Наследник императорской короны.

Наследник Железной Короны. Колдун.

Династия гётских Императоров закончилась на Изольде. Дети колдуна не имеют Благословения, а значит, и прав на престол! Александр не может быть главой Церкви, не может...

Господи, на все воля Твоя. За что Ты бросил нас? Императоры, живые святые, со времен Мстислава были сердцем государства. А что сейчас осталось? Бездушный, мертвый механизм вместо живой страны?

– Почему вы молчали, Владыка? Почему молчали двадцать лет?! – охранитель говорил негромко, без эмоций, но ему самому вопрос показался отчаянным криком.

– Мой грех... – выдохнул Архиепископ. – *Mea maxima culpa*. Сначала я боялся. Потом утешал себя – Изольда Благословлена, она придумает что-нибудь... любая власть от Бога, если Он позволил – значит, так надо. Церковь будет спасать души, Императоры править, все как заведено, но сейчас Александр покусился на власть Церкви. Расследование наших финансовых дел – первый шаг к полному контролю. Он хочет сделать духовных пастырей орудием в руках светской власти. Этого нельзя допустить, – Владыка закашлялся, снова отпил микстуры, посмотрел в глаза охранителю и неожиданно горячо продолжил: – А разрешение магии?! Это же подрывает саму суть Империи! Кем мы станем с колдунами, ведьмами, оборотнями? Отвернемся от Господа и вернем века Тридевятого царства? Снова начнем друг друга в жертву приносить?

Отец Георгий глубоко вздохнул, как перед прыжком в холодную воду.

– Так чего вы хотите от меня, Владыка?

Архиепископ грустно улыбнулся.

– Помощи. Нужно во что бы то ни стало найти Ульриха. Обязать Императора доказать свое Благословение мы не можем. Показать, что его нет – тоже. Он носит с собой мощную святыню, и магия рядом с ним и так не работает. Если Господь попустил ему стать Императором – пусть, не нам покушаться на Его волю. Но сын колдуна не может быть главой Церкви.

Ульрих – единственный шанс заставить Александра отречься от духовной власти и спасти всех нас, детей и служителей Божьих. Он не может быть и светским властителем, и князем Церкви!

Мои люди ищут принца, но проклятый Корпус качественно замел следы. Все, что мне удалось выяснить – Ульриха нет ни в одном из монастырей Империи, его вывезли в Заозерье кавалергард фон Раух и фрейлина Изольды Лунина. Дальше следы теряются. Ты в контакте с кавалергардами, у тебя есть свои люди в Гарце, на границе с Гнездовском... как-то же ты ловил контрабандистов. У тебя есть шанс, пока все не пошло прахом.

– Раньше царевичей посылали за Жар-Птицами, теперь, выходит, наоборот, – невпопад пошутил охранитель.

«Понятно, почему Изольда так интересовалась судьбой ребенка своей фрейлины, – похвалил себя за догадливость отец Георгий. – Стоит только подсчитать сроки, и все становится ясно. Элиза Лунина, скорее всего – принцесса-бастард, еще один ребенок колдуна».

Вслух он об этом говорить не стал. Незачем.

Ближе к вечеру, закончив с разъездными делами (жуткие тайны династии сами по себе, рутина – сама по себе), отец Георгий возвращался в кабинет. В приемном зале ему навстречу гордо вышел кот Дымок. Зверь где-то бродил с утра, зато сейчас нес своему человеку подарок – задушенную крысу. И где нашел-то, на подворье крыс давным-давно не водится!

– Здравия желаю, ваш-благ... ох, простите, Ваше Преосвященство! – радостно улыбнулся брат Бертран, недавно принявший постриг бывший капрал-кавалерист. Он стоял у стола секретаря и до прихода начальства говорил с умудренным годами служителем. – Заботится о вас котище!

– Добрый вечер, – кивнул епископ обоим. – Да, заботится.

Он почесал Дымка за ухом и пошел дальше. Кот шагал следом.

Брат Бертран потянулся было погладить мохнатого красавца, но Дымок заподозрил покушение на добычу и опасно рыкнул – не трожь, это епископу крыса. А ты кто такой?

– Ладно-ладно! – отдернул руку служитель и вернулся к прерванному разговору.

– Вот, смотрите, – зажурчал профессионально-терпеливый голос секретаря, – в эти строчки, столбиком, вносите, что из казенного имущества испортилось во время ареста подозреваемого. Понятно? А сюда – подлежит ли предмет восстановлению.

– Ну, я доспех латать не умею... – удивленно пробасил брат Бертран. – Там дырень в кулак... Его выкинуть надыть.

Отец Георгий грустно усмехнулся. Бертран был старым воякой. Ему непросто осознать, что финансирование охранителей – совсем не то, что в армии. «У Императора много» – это не про Официум.

В последнее время императорская канцелярия требовала от Священного Синода подробных отчетов о расходе казенных денег, а Официум охранителей с момента создания получает финансирование лично от Императора, а не только из церковных средств, что создает дополнительные сложности. Провинциал-охранитель прекрасно понимал недоумение своего подчиненного. Но что поделать, такая служба.

Совсем недавно отец Георгий лично расследовал дела, искоренял колдунов и вступал в бой с нечистой силой. Божьим словом, пистолетом, егерским тесаком... Бывало – и доской от забора.

Те старые добрые времена, увы, прошли.

Задача Провинциал-охранителя – обеспечение работы отделения. Руководство службами, разбор сложных случаев, взаимодействие с другими ведомствами и тысяча других, не менее важных дел, о которых он раньше даже не подозревал. И – годовой бюджет. Самая, пожалуй, противная обязанность.

Пока отец Георгий не сомневался в том, что Император – живой Святой, Благословенный потомок Мстислава, он и не думал роптать даже на такую тяжелую ношу. Но сейчас...

«Кто платит, тот и заказывает музыку». Поговорка мирян не совсем уместна в данном случае, но другой отец Георгий не знал.

Александр хочет заменить право Благословенного приказывать Церкви на контроль за финансированием? Право Помазанника Божьей Волей на право помещика, владельца доходов с земли?

Провинциал-охранитель прикрыл дверь в свой кабинет, хрустнул суставами, привычно поморщился и сел за рабочий стол. Дымок положил крысу к его ногам и выжидательно посмотрел – ну? Где моя награда?

Епископ достал из стола кусочек вяленого мяса – любимого лакомства Дымка, еще раз погладил кота и устало откинулся на стуле.

Глава 6. Заложники чести

На следующий день после снятия домашнего ареста Элиза кинулась выяснять, что с ее отцом. Жив, казнен, можно ли похоронить?

Тщетно.

В имперской канцелярии на нее непонимающе посмотрели. Дамочка, вы о чем? Спросите в приемной Корпуса... Там Элизу отправили на архиерейское подворье, но церковники тоже были не в курсе. Элиза полдня металась между приемными, секретариатами и службами. Никто ничего не знал. Где-то ей сочувствовали, где-то неприкрыто хамили, но результат везде был одинаковым.

Отчаявшись, она поехала по высокопоставленным друзьям отца. Ее не впускали. Давно знакомые люди делали вид, что никогда ее не видели. Самый дружелюбный прием она получила у той самой старой графини, с которой говорила на своем последнем балу.

«Пойми, девочка, ты теперь прокаженная, – грустно сказала старуха, напоив ее чаем. – Покушение на канцлера – страшный скандал, никому не хочется иметь к нему хоть какое-то отношение. Мне жаль...»

Элиза вытерла злую слезу и побыстрее уехала, чтобы не разрыдаться в голос.

Ее встретил пустой дом. Родной, знакомый до последнего камешка особняк показался ей еще более чужим, чем когда в нем было не протолкнуться от охранников.

Она может жить здесь еще месяц. А потом... Куда идти? Что делать? Ей хватит образования разве что на работу гувернанткой, но кто допустит к своим детям дочь преступника? Ее личное наследство, то, что оставила тетушка Елизавета, не конфисковали (интересно, почему?), но его хватит только на очень скромную жизнь... Да и хватит ли?

Элиза замерла перед портретами фрейлин. Мама, тетушка, помогите! Я не знаю, что делать! И спросить некого!

Вошел дворецкий, встал поодаль, ожидая, когда Элиза повернется к нему.

– К вам господин Румянцев, барышня. Прикажете пригласить?

Она еще пару секунд смотрела на нарисованных дам.

Милые, это – ваш ответ?

Сил удивляться уже не было. Она не сомневалась, что жених пропадет, как друзья, как воздыхатели, как весь мир... Видимо, пришел официально расторгнуть помолвку. Что ж, пусть.

Он бросила взгляд в зеркало – прическа в полном порядке, а что глаза чуть покраснели... Не важно. Он и не заметит.

– Пригласите, пожалуйста, – негромко ответила Элиза. Постаралась изобразить самую светскую из своих улыбок, но безжалостное отражение показывало только натужную гримасу.

Петр Румянцев никак не мог служить прообразом героев на обложках рыцарских романов. Невысокого роста, немного сутулый, не худой, не полный, скорее, какой-то невнятный. Как когда-то Элиза жаловалась подружкам – Пьер был воплощением частицы «не». «Не красавец», «не урод», «не мечта», не...

Пренебрежительно подшучивать над женихом было привычно.

О свадьбе семьи сговорились, когда Элиза еще была в колыбели, а Пьер катал на веревочке свою первую лошадку.

Знакомство с ним для семилетней Элизы стало жутким разочарованием. Она ждала прекрасного принца, а перед ней был нескладный (снова «не»!) мальчишка старше ее на два года.

Жених честно пытался быть галантным, но постоянные взгляды украдкой на гувернера выдавали всю неловкость ситуации. Он явно тяготился своей ролью.

В карете по дороге домой Элиза разрыдалась, уткнувшись лицом в мамину юбку. Елена Лунина гладила дочку по голове и уговаривала, что лет через десять, когда придет время свадьбы, Пьер-лягушонок обязательно станет долгожданным принцем. Просто его надо будет полюбить, и тогда – ты ведь помнишь сказки? – любое чудовище станет красавцем.

Отец тогда усмехнулся непонятно: «Я же стал». А брат – вот зловредина! – добавил, что было бы неплохо сначала Элизе научиться быть принцессой, а уж потом...

Брат... Мама...

Теперь и отец.

Господи, за что?!

Пьер вошел почти бесшумно. Ботинки служащих министерства иностранных дел – это вам не подкованные сапоги военных.

Еще одно «не...». «Не военный». Еще и «не герой», «не возлюбленный»...

– Здравствуйте, Лизанька, – Пьер продуманно, выверенным, многократно отрепетированным движением поклонился ей. Прядь русых волос идеальной стрижки чуть качнулась. Как всегда. С точностью до миллиметра.

Если бы не светские манеры, Элизу передернуло бы от отвращения.

Ей почему-то вспомнился фон Раух. Если бы они познакомились – Пьер получил бы образец недостижимого идеала.

– Здравствуйте, Пьер, – она присела в реверансе, – нам нужно поговорить. И прошу вас, в который раз прошу – не называйте меня так! Я Элиза!

– Вы моя будущая жена, я буду называть вас так, как мне захочется, – спокойно ответил он. – Я пришел сказать вам, что венчание в кафедральном соборе отменено. Дочь государственного преступника не может выходить замуж в главном храме Империи. Нас ждут в церкви Святого Петра в моем имении. Собирайтесь, выезжаем завтра.

Элиза задыхнулась от удивления.

Весь мир разбился, как ваза о гранитную мостовую, осколки не собрать, а он... Хочет организовать свадьбу? С ума сошел?!

Она была готова к чему угодно. Стать нищенкой, уйти в монастырь, замаливать отцовский грех, найти работу подавальщицей в какой-нибудь лавке, но замужество? Сейчас? С ним?!

– Прошу вас, выслушайте меня! – взмолилась Элиза, кое-как уняв дрожь в голосе. Она сняла с пальца кольцо и подошла к нему вплотную, стараясь не дышать. Парфюмерная вода, которой от него пахло, вызывала у нее тошноту. Когда-то похожим запахом пользовался ее брат, и он казался даже приятным, но от Пьера...

Жених бесстрастно смотрел на ее запрокинутое лицо.

– Вам не нужно жениться на мне, Пьер! – быстро говорила Элиза. – Это повредит вашей карьере! Союз с семьей преступника... – ее голос сорвался, но Элиза постаралась взять себя в руки. – Откажитесь от брака! Никто вас не осудит, наоборот! Вы были помолвлены с дочерью одного из самых древних родов Империи, а не с отпрыском несостоявшегося убийцы. То, что я не под арестом – странное упущение, но его, скорее всего, исправят в ближайшие дни, – слушала она. – Зачем вам этот скандал? К тому же я теперь бесприданница, отец был полностью разорен, не осталось ничего... Только наследство тетушки, но оно ни в какое сравнение не идет с тем, на что вы рассчитывали!

Пьер мельком глянул на искрящийся камень кольца. Взял ее за руку – Элиза попыталась вырваться, дернулась в сторону, налетела бедром на угол стола и покорно замерла. На ее глаза снова навернулись слезы, когда ободок из белого золота с проклятым бриллиантом снова оказался на пальце.

Пьер отпустил ее руку и отошел на пару шагов.

– Лизанька, избавьте меня от мелодрам. Да, я тоже не рад предстоящему браку. Еще больше меня огорчает то, что мои дети будут потомками семьи Луниных. Ваш папенька – идиот и бездарность. Он не только не понимал, насколько канцлер Воронцов полезен Империи, так еще и не сумел довести покушение до конца. Ничего, я обдумаю все вопросы правильного воспитания своих сыновей. Насчет ареста не переживайте, Кавалергардский Корпус оплошностей не допускает. Какую опасность может представлять для Империи глупая девочка? Зальет слезами тронный зал?

– Это самая длинная фраза, которую вы мне сказали за все время нашего знакомства, – вздохнула Элиза.

– Сейчас скажу еще одну, и закончим на этом. Много лет назад я дал слово на вас жениться. Не в обычаях фамилии Румянцевых отказываться от обещаний. Завтра к полудню я пришлю за вами карету. Доброй ночи, сударыня.

«Пока вы были завидной невестой, я бы воспринял ваш отказ с восторгом. Сейчас – поздно», – без слов поморщился он, коротко поклонился и пошел к двери.

– Но ведь вы меня даже не любите! – воскликнула Элиза ему в спину.

Пьер раздраженно покачал головой на ходу. Остановился. Обернулся к Элизе и сказал как о чем-то, само собой разумеющимся:

– Не люблю, и наши чувства взаимны. Это ничего не меняет.

Он вышел прежде, чем Элиза придумала хоть какой-то ответ.

Элиза замерла в центре комнаты. Казалось, она стоит в куске прозрачного стекла, не в силах шевельнуться. Медленно, через силу, подняла к лицу руку с кольцом. Вздрыгнула, глядя в грани бриллианта.

Горячей волной запоздалого ужаса пришло понимание – она только что чуть было не осталась совсем одна в жутком, враждебном мире, полном ненависти и презрения.

Отец бросил, все знакомые исчезли в мгновение ока, остался только нелюбимый жених.

На грани сознания мерзким червячком шевелилось удивление. Надо же – такой... негерой и не отказался от меня? Готов испортить карьеру ради данного слова?

Элиза обернулась к портретам фрейлин. Они не ответят, но... Что бы вы сказали, прекрасные дамы?

«Ты точно хочешь именно этого, милая?» – всплыл в памяти ласковый мамин голос. Мама тогда говорила о другом. Элиза не смогла вспомнить, о чем именно. Так ли это важно?

– У меня все равно нет выбора, – тихонько сказала она портретам. – Не только Пьер верен данному слову...

Но нарисованным лицам прекрасных дам пронеслась тень. Сомнение? Жалость? Вряд ли. Просто ветер качнул легкую занавесь на окне – так же, как когда Элиза пыталась разглядеть единственного визитера за время ее ареста. Тогда она не узнала его, но теперь поняла.

Это был Пьер.

– О дите Божиим Петре и дите Божией Елизавете, ныне обручающихся друг другу, и о спасении их Господу помолимся!

– Господи, помилуй!

Мощный, протяжный голос дьякона. Запах ладана, от которого чуть кружится голова. Рука в руке...

Невеста должна трепетать от радости, предвкушения счастливой семейной жизни, может быть, от страха неизвестности. Наверное. Подруги – пока у нее еще были подруги – что-то говорили об этом...

Элизе было все равно.

Красивая кукла в расшитом платье, преданная всеми, кого любила. Заложница чужой чести.

Она на секунду прикрыла глаза и представила, что нет ни свадьбы, ни богатого поместья, зато отец рядом.

Богоматерь грустно смотрела на Элизу с иконы.

Мужчины не спрашивают нас, когда идут на смерть за свои идеалы. Даже не считают нужным ничего объяснить. Они уверены – так будет лучше для всех. Нам остается только подчиниться...

Элиза сморгнула слезу.

Прости, Дева. Ты мудрая, а я никак не могу смириться. Пришла ли отцу в голову мысль, хоть на секунду – как я буду жить? Что случится с барышней Луниной, когда его казнят? Думал ли он о презрении? О косых взглядах? О том, что я стану прокаженной?

Вряд ли. Было что-то поважнее девичьей судьбы.

Элиза опустила глаза, смотреть на Деву Марию было слишком тяжело. Теперь она видела только дрожащий огонек свечи в своей руке.

Руке с фамильным перстнем Луниных. Красное поле и клинок. Она настолько привыкла к нему, что давным-давно не замечала. Это последний фамильный перстень. И она – последняя. Второй такой же был на отрубленной руке отца.

Холодным ударом в сердце, болью и страхом пришло понимание – кое-что ты все-таки унаследовала. То, что не стереть никакой гражданской казнью.

Долг и честь.

Она не принесет тебе счастья, как не принесла ни отцу, ни Пьеру, стоящему рядом с каменным лицом. Обещание о браке давала не ты, но тебе его исполнять. Свобода? Счастье? Что это такое?

Их придумали не для тебя, Елизавета Лунина.

Для тебя – долг и честь.

– Имеешь ли ты, Петр, произволение благое и непринужденное и крепкую мысль – пребывать в законном браке с женою Елизаветой, которую видишь здесь перед собой?

– Имею, отче.

– Не обещал ли ты ранее иной жене?

– Не обещал, отче.

...Тебе кажется, или в его словах есть заминка? Крошечная, незаметная, едва различимая?

– Имеешь ли ты, Елизавета, произволение благое и непринужденное и крепкую мысль – пребывать в законном браке с мужем Петром, которого видишь здесь перед собой?

– Имею, отче, – негромко, но твердо ответила Элиза. Это был бросок с обрыва, отказ от всего – ради долга. Ради семьи. Пусть и предавшей семьи, но это ничего не меняет. Честь. Остается только честь.

– Не обещала ли ты ранее иному мужу?

– Не обещала, отче. – Этот ответ прозвучал громче и тверже первого.

... Оказывается, у него очень нежные губы...

Когда они вышли из церкви и, по обычаю, раздали милостыню, Элиза – теперь уже госпожа Румянцева – взяла мужа под руку и едва слышно прошептала:

– Простите меня, Пьер. Простите за все. Я постараюсь быть вам хорошей женой.

– Хорошо, Элиза, – так же негромко ответил он, – и я постараюсь быть вам хорошим мужем.

Запах его парфюма уже не казался таким противным. Но она все равно решила завтра же отправиться в лавку, перенюхать все флаконы, предназначенные для мужчин, и подарить Пьеру что-нибудь более подходящее.

Свадебный обед вышел коротким и скромным. На нем присутствовали только сестра Пьера Ангелина и его дядюшка и бывший опекун Густав Дмитриевич. Старший Румянцев произнес пару тостов, посетовал, что родители Пьера не дожили до этого дня и не могут порадоваться за молодых, и откланялся. Ангелина злобно зыркнула на Элизу засобиравшись вместе с ним.

Уже смеркалось, а дорога до Гетенберга займет минимум часа полтора.

Пьер отправился их провожать, а Элиза поднялась на балкон второго этажа. Она стояла у ограждения, увитого разросшимся плющом, смотрела на яблоневый сад и пыталась представить, что здесь теперь будет ее дом.

Когда они подъезжали к имению, Элиза видела за широким лугом синюю крышу длинного одноэтажного здания. Над воротами перед ним красовалась вывеска из чугунного кружева: «Румянцевский фарфоровый завод». Кажется, Элиза когда-то слышала легенды о блюдечках, по которым можно катать румяные яблочки из местных садов. И что фамилия ее жениха произошла от тех, кто сумел вырастить те яблочки...

В запущенном парке вокруг старинного дома таилось какое-то очарование, но Элизе он показался чуточку жутковатым. Может быть, из-за налившихся яблок, темно-алых в лучах закатного солнца?

Яблони здесь были повсюду. Элиза с утра прогулялась вокруг дома и видела, что у дорожек деревья иногда подпиливали, а ближе к ограде они разрослись настоящей чащобой, впору заблудиться. Свежий кисловатый запах спелых яблок окутывал все поместье, тяжелые ветви гнулись к земле, казалось, прошепчи: «спаси меня, яблонька, от бабы Яги!», и ветки наклонятся, скроют от всех напастей.

Ветки нависали и над балконом. Элиза сорвала яблоко и с хрустом откусила кусочек. Брызнул неожиданно сладкий сок.

«Так, наверное, девица в лесу лакомила яблочком от колдуньи...» – грустно усмехнулась Элиза. Но в глазах не темнело, засыпать мертвым сном она не собиралась, а яблоко было просто вкусным. Очень вкусным!

Хотя что-то ей подсказывало – не все так просто с румянцевскими наливными яблочками. Таилось с них... нечто.

Неважно. Скоро она все узнает. Если и есть какая-то чертовщина в роду ее мужа, так это дело привычное. У кого ее нет?

Тень Гётской империи – древнее Тридевятое царство. Оно повсюду: в семейных легендах, в соломенных куколках, в привычно воткнутой в притолоку ножа перед отъездом в дальнее путешествие... Церковь осуждает предрассудки, охранители карают за магию (ах, да, сейчас – только за зловредную магию!), но старые обычаи давно прикинулись суевериями и остались на своей земле. Они в крови у потомков Серых Волков, Иванов-дураков, премудрых Елен и прекрасных Василис. Как ни рядись в платья по последней моде, где-то в тебе жива память о пра-пра-бабушке, выпускавшей лебедей из широких рукавов.

Вот только это совершенно не важно. Не поможет Сивка-Бурка, не утешит ученый кот, у них хватает своих дел. Ты была самой завидной невестой столицы, ты воротила нос от жениха и считала, что ему незаслуженно повезло с тобой. Теперь получается, что это тебе повезло с ним.

И – вот оно, самое ужасное! – незаслуженно повезло.

Внизу, на дорожке от ворот, слышались шаги.

В синих сумерках, сгустившихся в саду, были видны две фигуры. Пьер и кто-то невысокий, в шляпе с пером. Это точно был не дядя Густав, тот повыше ростом... Сама не зная почему, Элиза спряталась за колонну, в гущу разросшихся листьев плюща.

Сквозь шелест деревьев от вечернего ветерка она с трудом различала слова. Да что там – они были слишком далеко, чтобы слышать хоть что-нибудь. Но Элиза все равно замерла, затаив дыхание.

Посторонние звуки смолкли для Элизы. Как будто кто-то погрозил пальцем ветру – не мешай! Она не стала задумываться, что случилось. Просто замерла, стараясь не пропустить ни звука, произнесенного смутно знакомым голосом:

– Поздравляю со свадьбой. Извини, заходить не стану – это неуместно. Зато я привез тебе роскошный подарок.

– Спасибо. Признаться, я удивлен. – Это уже Пьер, в голосе слышны нотки недоумения.

– А я-то как удивился... – хмыкнул гость. – Будь ты нервной барышней, предложил бы тебе присесть. Но ты выдержишь, – неведомый визитер чуть помедлил и отчетливо произнес: – Ты угадал во всем, как в воду глядел. Это была действительно блестящая грязная интрига ради короны Эзельгарра. Джакомо Трескотти счастлив, как мартовский котятка – Кроска сильно потеснили с торговых путей. Барон Кордор в дерьме, Кошицкий герцог прохлопал ушами, Гнездовский князь с умным видом стоит в сторонке, зато Альград весь в белом. А Виктор фон Берген, дурной чистоплюй, строчит протоколы в гнездовской Страже. Шлет всех в разные места и делает вид, что никакой он не императорский кузен³. Нашим проще, честно-то говоря.

– Подробнее! – взмолился Пьер.

Элиза с трудом сдержала удивленный вскрик. Пьер что, способен на эмоции?! Так бывает?

– Успеется, – усмехнулся гость. – Парень, ты либо пророк, либо лучший аналитик из всех, кого я видел. А видел я вас немало.

Пьер нетерпеливо дернулся было что-то еще сказать, но осекся. Оба недолго помолчали.

Визитер повернулся боком к Элизе, на его плече сверкнул серебряный аксельбант. Одновременно горячей волной пришло воспоминание: «Примите мои соболезнования...»

И слишком легкая пустота в руке – там, где должен был быть пистолет.

У фонтана в парке с ее мужем разговаривал кавалергард Георг фон Раух. Убийца на службе династии. Меч Императоров...

Элиза вздрогнула, зажмурилась, пытаясь унять внезапную резь в глазах, и бесшумно перевела дыхание. Когда-нибудь она отомстит. Позже. Пусть блюдо окончательно остынет.

«За что мстить собираешься? – грустно спросила она сама себя. – За то, что он предотвратил убийство? Исполнял свой долг? Спас канцлера?»

Злость на элегантного господина чуть отступила, подернулась серой пылью, как остывающие угли. Они готовы разгореться в любой момент, если будет хоть одна сухая веточка. Но пока нового топлива нет – понемногу тускнеют.

– Спасибо, – чуть поклонился фон Рауху Пьер, – это действительно самый роскошный подарок из всех возможных.

– Кстати, о пророках, – резко сменив тон на интонации светского пустослова, сказал фон Раух, – может быть, все намного проще, и ты действительно в воду глядел? Налил нужной водички, – кавалергард кивнул на фонтан, – в нужную площадку из вашего знаменитого костю-

³ Подробнее об этой истории в романе «Этикет следствия»

ного фарфора? Такого, в который вместо костной пыли со скотобойни добавляют совсем другую, из человеческих костей?

Повисло тяжелое молчание.

– Мне нужен ответ, – жестко потребовал кавалергард.

Воздух, наполненный ароматом яблок, как будто замер. Утих ветерок, замолчала пичуга в ветвях, даже фонтан, кажется, стал журчать немного тише.

– Нет, – четко ответил Пьер. – Я не пророк. Никаких, как вы выразились, «плошечек» у меня нет. Я аналитик.

Элиза только сейчас заметила у ног Пьера огромного черного кота. Зверь обошел вокруг ее мужа, вернулся к фон Рауху и потерся головой о его сапог.

– Верю, – кивнул кавалергард, потрепав кота за ухом. – За проверку не извиняюсь, сам все понимаешь.

– Да уж, – мрачно отозвался Пьер. – Понимаю.

– Но в этом ведре счастья есть для тебя и ложка дегтя, – развел руками гость, снова возвращаясь к беспечному тону. – Медовый месяц отменяется. Ты переходишь в мое непосредственное подчинение и должен прибыть в Гетенберг через неделю.

– Готов приступить завтра.

Фон Раух хохотнул:

– Нет уж. Проведи время с молодой женой, все не настолько горит. И еще, – он добавил в голос нотку официальности, – господин Румянцев, как вы знаете, обычно жениху это говорят отец или брат невесты. Но у Луниных нет такой возможности. Так что это буду я.

– Это потому, что именно вы Павла Лунина зарубили при попытке покушения? – в голосе Пьера послышалась странная ирония. – Точнее, не стали опровергать слух, что зарубили. Кровь веером по стенам и потолку, как не поверить в мгновенную смерть преступника...

– Какой умный мальчик, – покачал головой гость. – Но не отвлекайся. Юноша, если ты обидишь свою жену, я лично оторву тебе голову. Считаю, что я ее опекун.

– Так я женился на тайной подопечной кавалергарда? Или братъ выше – Императора? Вы в форме и при исполнении, можете говорить и от его имени, – ирония в голосе Пьера стала явной. – Так кого именно мне не нужно сердить?

– А есть разница? – оборвал дискуссию фон Раух.

Пьер в упор посмотрел на него и сказал очень четко, не оставляя ни тени многоточий или недоговоренности:

– Я очень ценю свою голову, господин фон Раух. И буду счастлив с вами работать. Но наша с Елизаветой Павловной семейная жизнь никого не касается. Ни вас, ни Императора.

Фон Раух с сарказмом хмыкнул и изобразил пару хлопков в ладоши. Молодец, мол, умный мальчик.

– Да, кстати, – продолжил кавалергард. – Вот тебе еще задачка. Скажи-ка мне, зачем Лунин кинулся на канцлера? Ни в каких тайных обществах убийца-неудачник не состоял, никто ему магией голову не дурил, а выгодно его дурацкое покушение было одному-единственному человеку... Догадаешься, кому?

– Нет, – покачал головой Пьер.

– Тебе, – веско сообщил фон Раух.

Пьер охнул. Элиза на балконе до боли закусила костяшки пальцев, чтобы не вскрикнуть.

Повисло молчание. Элиза ждала, что Пьер начнет оправдываться, но вместо этого он грустно спросил:

– Вам точно нужен идиот на службе?

– Поясни, – потребовал кавалергард.

– Я – идиот. Не догадался сразу... А Павел Николаевич, похоже, гений, – Пьер досадливо поморщился. – Он был разорен, так? Долги многократно превышали все, что у него осталось.

Еще чуть-чуть, и пришлось бы отдать и приданое Елизаветы... А после свадьбы его обязательства перешли бы на меня, как на ближайшего родственника. Гражданская казнь отменила долги. Он их стер – вместе с собой. Нашел роскошную дыру в имперских законах и пожертвовал жизнью и честью ради дочери.

– Молодец, – хмыкнул кавалергард. – Похоже, я не прогадал с твоим назначением. Лунин сказал то же самое.

– Простите, – Пьер провел рукой по лицу. – Мне нужно поговорить с женой. Прямо сейчас.

– Извиняться кинешься?

Пьер удивленно на него посмотрел.

– Юноша, я не был женат, но я тебя намного старше. Ясное дело, вы с Елизаветой уже успели наговорить друг другу глупостей, – в голосе фон Рауха угадывалась улыбка. – Не нужно меня провожать.

Гость повернулся и направился к выходу из парка. На его правом плече снова блеснул кавалергардский аксельбант.

Элиза разжала кулак и стряхнула с ладони остро пахнущую скошенной травой кашу, в которую превратились листья плюща. На коже остались следы ногтей. Она и не заметила, как вцепилась в зеленый побег.

Приход фон Рауха стал на самом деле лучшим подарком на свадьбу. Отец жив и не бросал ее. Павел Николаевич пытался ее спасти. В меру собственных сил и представлений о счастье, не спросив ее мнения, разрушив всю ее жизнь... Но пытался!

Пока она ничего не узнает о его судьбе, но девушки из благородных семейств прекрасно умеют ждать. Пожалуй, это они умеют лучше всего.

Элиза перевела дыхание и только сейчас заметила, что в метре от нее на дощатом полу балкона сидит огромный черно-белый кот в серебристом ошейнике. Видимо, зверь-кавалергард бесшумно подошел, пока она вслушивалась в разговор.

Кот разглядывал Элизу, щурил рыже-зеленые глазищи. Лениво встал, мазнул боком по ее юбке и важно прошествовал за угол. Элиза шагнула следом, но на балконе кота уже не было. Скорее всего, запрыгнул на растущую рядом яблоню и ушел в густую листву.

Молодожены встретились наверху, в спальне, украшенной по случаю свадьбы огромными охапками разноцветных роз. Элиза не дала ему сказать ни слова, кинулась на шею и прошептала: «Я все слышала. Спасибо!»

Пьер обнял ее.

Они были счастливы. Каждый – своим счастьем, никак не связанным с женитьбой. Но какая разница? Главное – счастливы. Пусть это совсем не похоже на истории из чувствительных романов. И пусть даже в тот момент, когда весь мир должен был замереть и оставить их вдвоем, Элизе казалось, что муж думает о чем-то другом...

Она и сама думала не только о нем.

Пусть.

Счастье бывает и таким. С ноткой горчинки, с оттенком равнодушия и долга, с обжигающей волной надежды и запахом безвкусовых букетов.

Глава 7. Загребать жар

Как поймать кавалергарда?

Этот вопрос очень близок к злему умыслу и даже, возможно, к преступному намерению. Кавалергарды при исполнении приравнялись по статусу к членам императорской фамилии, и попытка поймать кого-то из них могла бы стать оригинальным способом самоубийства.

Провинциал-охранителя Гетенбергского это не останавливало. Ему нужно было поговорить с фон Раухом.

Назначить встречу по официальным каналам не вышло. Приглашение вежливо отклонили, курьер даже дух перевести не успел, как ему вручили ответ.

Попытки встретиться на каком-нибудь светском мероприятии провалились. Георг фон Раух балы и рауты в последнее время не посещал.

Епископ хмыкнул: «Мы не гордые» и попробовал записаться на прием. Он отправил в канцелярию своего секретаря. Там его коллега, секретарь Корпуса, рассыпаясь в извинениях, сообщил, что свободного времени у фон Рауха нет. Совсем. Разве что после Нового года, да и то... неизвестно. Простите, пожалуйста. Передайте Его Преосвященству, что я ничем и никак не могу помочь.

«Ла-адно, – хрустнул пальцами отец Георгий, – нам, охранителям, пристало смирение», – и на следующий день пошел в канцелярию сам.

История повторилась, разве что в приемной Корпуса не было вежливого молодого человека, а сидела доброжелательная дама средних лет. Явление епископа на нее не произвело никакого впечатления, секретарь Корпуса явно видела персон и поважнее, и познатнее. Возможно, она знакома даже с самим Императором. Дама была бы счастлива помочь господину охранителю, но, к сожалению... Нет, сейчас его нет на месте. И завтра... Конец года близко, сами понимаете, дел невпроворот.

На резонное замечание: «Ничего себе конец года, всего-то сентябрь на дворе!» дама испуганно покосилась на вход в коридор, ведущий к кабинетам ее начальства, и доверительно сказала, понизив голос: «Так ведь в Корпусе все заранее делается...»

Но не так-то просто отвязаться от Жар-Птицы.

Отец Георгий, сохраняя серьезную мину, а в душе – похихатывая над попытками не дать ему добраться до фон Рауха, попросил провести его к госпоже Бельской. Или пригласить госпжу Бельскую.

Он был готов к отказу. Но, на удивление, дама-секретарь со всей серьезностью пошуршала страницами журнала посетителей и записала в него имя Провинциал-охранителя.

Виктория Бельская встретила своего бывшего охранника в лаборатории, больше похожей на кухню рачительной хозяйки. Печь натоплена, на столе под полотенцем – готовая снедь, ждет едоков. По стенам – разномастные полочки, на них в кажущемся беспорядке распаханы банки, корзинки, колбы и коробочки со специями и припасами.

Шторы были плотно задернуты, на столе в витом подсвечнике горело несколько свечей. За окнами солнце стояло почти в зените, а здесь царил полумрак, как поздним вечером. Или – как в лаборатории мага, когда он работает с чем-то, боящимся дневного света.

В горниле печи томился глиняный горшок. В нем размеренно булькало, распространяя по комнате-кухне то запах свежей мяты, то аромат лимона.

На полу лежал простенький домотканый полосатый коврик. Отец Георгий осторожно обошел его, заподозрив в сплетении нитей что-то непростое.

Бельская сидела за столом, держа обеими руками большую кружку. Она не сразу обернулась на звук открытой двери, помедлила пару секунд.

– Здравствуй, Жар-Птица, – устало улыбнулась епископу дама-кавалергард. – Прости, вставать сил нет. Проходи, садись, хочешь чаю – наливай, вроде еще остался. Кружки на полке, – кивнула она куда-то за спину охранителю. Печеньем угощайся, вчера сама напекла.

– Рад вас видеть в добром здравии, – сказал отец Георгий, пододвигая старую, но еще крепкую табуретку.

– Оставь ты реверансы, – отмахнулась Бельская и сделала большой глоток из кружки, – сколько раз я просила говорить мне «ты»? Так намного проще.

– Да-да, – подпустил отец Георгий сарказма в голос. – Куда проще, чем сразу сообщить, что от Кавалергардского Корпуса общаться с охранителями назначили вас, – он взял кружку с полки и налил себе черного чая. Вдохнул горячий запах меда и корицы, усмехнулся и продолжил: – Нет, надо было заставить посуетиться выскочку из захолустья.

– Обиделся? – деловито спросила Бельская.

– Угу. Ночью рыдал в подушку, – в тон ей сказал охранитель. – Зато преисполнился величайшего почтения к занятости сотрудников Корпуса. И чтоб дальше не слишком занимать ваше время, спрошу в лоб: что происходит с делом Лунина? Почему его так быстро прикрыли?

– Ничего с ним не происходит, – спокойно ответила Бельская. – Хитрый жук решил самоубиться и обнулить долги. Помереть у него не вышло, зато с долгами все получилось. Придется переписать имперские законы. Канцлер хохочет, хватаясь за шрам от раны. Император ругается, но без огонька. Коронные юристы рвут волосы на голове и клянутся все исправить в кратчайшие сроки. Магии никакой, охранителям тут делать нечего. Хочешь – организую тебе встречу с Луниным, сам расспросишь. С применением любых методов, какие сочтешь нужными.

– Хочу, – кивнул отец Георгий. – Но я обязан узнать – с чего такая щедрость? И почему ваш... Услышав это «ваш» Бельская слегка поморщилась. Епископ продолжил, чуть выделив голосом обращение:

– Так почему ваш фон Раух от меня бегал, как черт от ладана?

– Потому что ты не политик. – Бельская поставила кружку, на удивление легко встала и прошла по кабинету. Чуть отодвинула штору на окне, глянула на улицу, сощурившись от яркого света, и снова опустила тяжелую ткань. Достала с полки вазочку с калеными орешками, поставила перед гостем. Села обратно и пристально посмотрела охранителю в глаза.

– А еще, уважаемый отец Георгий, потому, что меня ты слушаешь. И даже не пошлешь подальше, по своему обыкновению. Фон Рауху этой чести не досталось бы.

– Я весь внимание, – кивнул отец Георгий и отправил в рот орешек. Хрустнул, раскусывая, и тут же потянулся за следующим. Орешки были подсушены в самую меру – еще остались сочными, но уже не вязли на зубах.

– Как думаешь, почему главой столичных охранителей назначили тебя? Ты ведь даже не возглавлял Официум в Гарце, был просто одним из заместителей. И тут такой взлет? –

Бельская продолжала смотреть ему в лицо. Серьезно, не мигая, с явным интересом и беспокойством. Отец Георгий с удивлением понял, что только сегодня обратил внимание на цвет ее глаз. Они были темно-зеленые с карим оттенком. А еще она не красила ресницы.

– Есть предположения, – пожал он плечами. – Но, думаю, сейчас вы, сударыня, откроете мне истину.

– Не ерничай, пожалуйста! – чуть громче сказала Бельская. – Нет у меня никакой истины. Могу только сказать, что Архиепископ ради тебя нажал на все рычаги, до каких дотянулся, и протасил назначение через Гетенбергский Конклав, пока ты ехал из Гарца. Столичные епископы крикнули, но утвердили, а потом неделю друг у друга выясняли, кто ты такой и откуда взялся. Твоя служба в качестве моего охранника, кстати, всплыла далеко не сразу. Для всех твой послужной список был коротким: армия, Официум Гетенберга, где ныне покойный Про-

винциал-охранитель возлагал на тебя большие надежды, потом оплошность и ссылка в провинцию. Понимаешь, о чем я? Чувешь, в какое роскошное дерьмище вляпался?

– Допустим, – осторожно сказал отец Георгий.

– Все ты понимаешь, – подвела итог Бельская. – А теперь самое важное. Запомни, отец Георгий – когда у тебя земля загорится под ногами, прежде чем... действовать, пожалуйста, поговори со мной. Это очень важно. Мы в одной лодке. Хорошо?

– Мне кажется, сударыня, вы хотели сказать: «прежде, чем наделать глупостей», – заметил отец Георгий и встал. – Спасибо, – поклонился он Бельской, – за угощение и интересную беседу. Я накрепко ее запомню. А теперь, прошу, прикажите проводить меня к арестованному Лунину.

Беседа с узником прошла быстро и буднично. Пытать однорукого отец Георгий не собирался, решил обойтись отработанными на множестве подозреваемых приемами ведения допроса и распознавания вранья. Вряд ли бывший мирный помещик владеет навыками, позволяющими обмануть опытного охранителя.

Павел Николаевич полностью подтвердил сообщение Бельской о мотивах покушения, явно ничего не скрывая. Рассказывал о своей находке с горящими глазами, гордился хитростью – больше-то уже нечем.

На вопросы о дочери не смог сказать ничего вразумительного. Да, фактически – племянница. Нет, я не знаю, что делала сестра в последний год жизни. Приехала из Гнездовска, но по каким поручениям Императрицы она там была – неизвестно. Нет, я не в курсе, кто отец Элизы. Было подозрение, что Воронцов – но он поклялся, что никогда... Да, верю. Зачем ему врать?

Нет, не знаю, незачем – все, что в итоге получил отец Георгий.

Информация его устраивала.

Теперь нужно тщательно все обдумать.

Отец Георгий мерил шагами свой кабинет – размышлять на ходу было удобно и привычно. А то, как усядешься в кресло, начинает клонить в сон. Предшественник был тем еще сибаритом, из нормальной мебели завел только стол с множеством ящичков и полочек. Все, на чем можно сидеть или лежать, оказалось настолько мягким, что от одного взгляда начинали ныть кости.

Избавиться бы, да все не до того.

Кот Дымок не разделял пренебрежение Провинциал-охранителя к хорошей мебели. Зверь запрыгнул на спинку кресла и увлеченно ее драл. Плотная гобеленовая обивка с изящно вытканым рисунком идеально подходила для заточки кошачьих когтей. Ткань обоев Дымок уже опробовал, но без восторга, зато кресло произвело на него самое лучшее впечатление.

«Люблю роскошь!» – было написано на мохнатой, нагло-беспородной морде.

Отец Георгий отодвинул кресло в угол кабинета. Кот с него так и не слез, только лапками переступил – Дымок все знал о том, как сохранять равновесие. Бывало, до начала драки зверь-эксперт не успевал спрыгнуть с плеча охранителя, а бывало, что и прыгать-то было некуда. Вот и приходилось коту вцепляться когтями в капюшон, воротник, кожаный ремень перевязи... Да за что получалось – за то и цеплялся, грозно шипя и воя на противника.

Охранитель вышел в приемную, кивнул подскочившему секретарю, взял простой деревянный стул с тоненькой подушечкой, принес в свой кабинет и поставил перед рабочим столом. Сел, откинулся на жесткую спинку и удовлетворенно хмыкнул.

Так можно и работать, не разминая спину каждые пять минут.

Дымку надоело терзать кресло. Он муркнул, спрыгнул на сиденье и развалился на своем «троне» во всю длину. Свесил до пола длинный пушистый хвост и прикрыл глаза.

– Хорошо тебе, – сказал коту охранитель.

– Мрря-у! – зевнул Дымок, всем своим видом демонстрируя – да, хорошо. А ты, человек, мог бы и пузо мне почесать, а не сидеть зря.

– Ну, иди сюда, – с притворной обреченностью вздохнул отец Георгий.

Дымок встал, потянулся, продемонстрировав длинные острые когти, подошел, гордо подняв хвост, и запрыгнул на колени охранителю.

– Задали нам задачку... – сказал отец Георгий, почесывая кота за ухом. – Пойди туда, не знаю куда, найди принца Ульриха, который, по всему выходит, и есть «то-не-знаю-что». И это не считая всех сопутствующих сложностей.

Говорить в кабинете можно было свободно. Отец Георгий в первый же день проверил – толстые стены и тяжелая дверь глушили все звуки. Любая магическая прослушка на подворье невозможна.

Если бы какое-то любопытное ухо все-таки завелось в кабинете епископа, толку бы не вышло – вслух отец Георгий говорил обрывки фраз, привычные обороты и присказки, оставляя серьезные размышления невысказанными. Коту все равно, а побережься стоит. Полностью рассказ звучал только в голове охранителя.

Дымок привычно свернулся клубком и заурчал. Тихий голос своего человека кот помнил с раннего детства.

Почти два года назад, в октябре, в Гарце было холодно и ветрено. Отец Георгий поздним вечером возвращался с допроса, крутил в голове показания и улики... И вдруг услышал краем уха отчаянный писк из сточной канавы. Через секунду он уже стоял чуть ли не по пояс в ледяной грязи, разгребая руками плывущий мусор. Котенок чудом не утонул, жадно хватал воздух маленькой пастью и мелко дрожал. Отец Георгий засунул его за пазуху и поспешил на подворье – отогреть зверька и греться самому.

Привратник только после резкого окрика узнал охранителя в мокром, грязном с ног до головы мужике, стучащем зубами от холода.

Провонявшую нечистотами одежду отстирывали в несколько заходов.

На следующий день и котенка, и отца Георгия свалила простуда. Зверек тряпочкой лежал на груди охранителя, почти не вставал, только пару раз лизнул предложенный паштет.

«Ну вот, помирать собрался, – фыркнул отец Георгий, устраивая котика на сгибе руки. – Эй, комок шерсти, – сказал он уже громче, почесывая одним пальцем кошачью головенку, – если выживешь, будем вместе работать. Ты уж постарайся, нам эксперты нужны. Из таких, как ты, спасенных, помойных, лучшие служители получаются. Зря я, что ли, за тобой в дерьмо нырял? Отрабатывай, чучело мохнатое».

Отцу Георгию показалось, что котик его слушает. Что, возможно, хриплый человеческий голос удерживает крошечного зверька среди живых, не дает окончательно сдаться болезни.

Он и говорил, почти все время. Пока заливал в маленькую пасть микстуры, выданные лекарем с подворья. «Не перепутайте! Вот это, по две капли – коту. А вот это, по столовой ложке – вам». И когда протирал слезящиеся глазки и чистил мохнатые ушки, опасаясь навредить большими неуклюжими пальцами; когда носил зверька на поставленный в келье лоток с песком...

А о чем может рассказать охранитель?

Отец Георгий вполголоса обсуждал с котом текущие расследования. Думал вслух – кого опросить, где добыть информацию, кто у нас безобидный ворожей или дурак-шарлатан, а кто – злостный колдун.

С тех пор и завелась у отца Георгия привычка советоваться с Дымком. Зверь, ясное дело, ничего полезного сказать не мог – да и не надо. Его задача слушать.

Стороннему наблюдателю такое поведение служителя Церкви могло бы показаться странным. Кидаться спасать котенка? Общаться с ним? С чего это вдруг? Тут людям-то несладко живется, а священник кошака с рук не спускает. Милосердный сильно? Иди сироткам помощи, им нужнее.

Тоже мне, божий человек!

Охранители на такие разговоры пожимали плечами и отворачивались. Они точно знали, что дело не только и не столько в милосердии.

Давным-давно в Тридевятом царстве волшебные звери, спасенные от гибели, говорили: «Я тебе пригожусь». Правда, иногда начинали с просьбы: «Не бей меня!», но шантаж – не метод охранителей. Да и служат такие «принужденные» помощники не слишком хорошо, норовят перехватить глотку шантажисту, и трудно их за это осуждать.

Зато если просто спасти зверя – накормить, вылечить, выловить из канавы, отогнать собак – он может стать настоящим другом и бесценным напарником.

Коты не разговаривали с охранителями, дар речи остался у их предков, гулявших по цепям на дубах. Но и без слов все ясно.

Маленький Дымок целиком умещался на ладони отца Георгия. Двухлетний котяра мог устроиться на коленях охранителя, только свернувшись клубком, и то свешивались хвост или лапа.

Кот дремал, слушая голос своего человека. Отец Георгий привычно гладил шелковистый мех и говорил:

– Вот смотри, шерстяной, что у нас получается... Владыка нас с тобой выволок из глуши, потому что ни с кем мы в столице не связаны и никому не нужны. Сумеет столичный клир приструнить – молодцы. Свернем шею, расследуя хищения – никто всерьез не огорчится. Так я думал совсем недавно... А сейчас, видишь ли, всплыла новая история. О ней даже шепотом не сразу скажешь. Будем мы с тобой разменной монеткой в деле покрупнее простого воровства. Владыка хочет церковной независимости, а мне отвел незавидную роль – намекнуть Помазаннику, что Богу – Богово, а кесарю – кесарево. Одними поисками колдуна дело точно не закончится, нужно будет им, найденным, еще и воспользоваться. Не Владыке же седую голову подставлять.

Кавалергарды, похоже, что-то пронюхали и всполошились. Но они пока только верхним чутьем проблему зацепили, иначе не с тобой бы я сейчас разговаривал... Если б вообще разговаривал. Сейчас мне активно намекают, что Архиепископ Гетенбергский хочет моими руками побольше жара загрести перед своей близкой смертью. Как думаешь?

Кот, конечно, не ответил. Когда рука охранителя замерла, он легонько прихватил человека зубами за палец – мол, я тебя слушаю, но ты изволь гладить.

Отец Георгий изволил.

– В вопросе с мздоимцами мы с тобой жар загребаем со всем усердием, не зря ж меня Жар-Птицей кличут... А про остальное надо крепко подумать. Колдуна искать все равно придется, работа такая у нас с тобой, мохнатый, – магов отыскивать. К тому же получается, что я эту кашу заварил, когда волшебство углядел. Низкий поклон покойной Императрице, что не велела казнить. Умнейшая была женщина. Понимала, что магия в принце все равно прорвалась бы, и повезло, что не на смотре лейб-гвардии. И что еще прорвется. Значит, нужно было устра-

нить причину, а не свидетелям головы откручивать. Вешать святыню на мага – мучительно его убивать, отречение было единственным шансом сохранить жизнь принцу. Ох, материнская любовь... Не уберегла старшего, так хоть младшего попыталась спасти. А нам придется разгребать последствия, и в процессе мне почти гарантированно оторвут голову, на радость викарию Василию.

Отец Георгий дотянулся до кружки и глотнул клюквенного морса. Чуть скривился – то ли от кислоты (опять кухарь сахара пожалел), то ли от печали по своей уже дважды неудавшейся столичной карьере.

Впрочем, в первый раз он влип по собственной глупости. Повезло, что легко отделался. И наконец-то стало ясно, почему в суде его защищал приват-юрист Синода, после ставший Архиепископом Гетенбергским. Приглядывал, надо полагать.

Глава 8. Старые дела

Девятнадцать лет назад...

... Рачительное крестьянское семейство выращивало пшеницу. Обычное дело, на юге Геттенбергской провинции вся земля распахана. Вот только никакие суховеи, вредители и прочие беды их посевы не трогали, урожай вырастал на зависть всей округе.

Соседи и пожаловались охранителям – мол, колдуны! Явно же не просто так у них все колосится, когда у нас то мор, то засуха! На соседних-то полях! И скотина у них не болеет!

Ведьмаки! Богопротивные ворожеи!

И оказались правы.

Глава семейства, дородный дядька с окладистой бородой, и впрямь был стихийным магом. Жертвовал на храм, не пропускал ни одной воскресной службы, сыновей отдал в приходскую школу... и потихоньку колдовал, защищая свои поля от насекомых, а скотину от болезней.

Единственные, кому он навредил, были жалобщики, позеленевшие от зависти.

Отец Георгий выяснил это довольно быстро. Крестьянин отпираться не стал, перекрестился на купол сельской церкви, обнял жену, велел сыновьям слушаться матери и подошел к охранителю.

– Ну что, поп, пошли, – с мрачным вызовом сказал колдун. – Хвороста-то хватит у вас? А то я, вишь, раздобрел на волшебных-то харчах. Долго гореть буду, замаетсяь.

– Замаемся, – согласился отец Георгий после долгой паузы. – И дров на тебя жалко. Шел бы ты... – и добавил пару фраз, описывая места, куда стоит отправиться незадачливому ворожею.

Старший сын колдуна ахнул. Парнишка еще не слышал, как затейливо выражают свои мысли сержанты гётской армии. И уж точно не ожидал таких слов от священника.

Что тогда нашло на перспективного расследователя столичного отделения, никто так и не понял. То ли жалобщики достали охранителя до печени, то ли сам крестьянин как-то в душу запал, то ли еще что... То ли запрет на расследование магии в Цитадели покоя не давал.

Гроза оборотней и вампиров отпустил колдуна-землепашца.

В отчете о расследовании охранитель написал: «обвиняемый в колдовстве скрылся, дело передается в окружную стражу». Розыскной лист до управления округа довели через полгода – ну, вы же знаете, все эти бумажки... Виноват, закрутился с другими делами.

К тому моменту жена сбежавшего колдуна продала землю, и вся семья куда-то уехала. А к Рождеству отцу Георгию прислали подарок – заботливо связанный теплый шарф из собачьей шерсти с полянским орнаментом в гнездовой традиции.

Шила в мешке не утаить. Вскоре отцу Георгию припомнили и этого крестьянина, и другие прегрешения.

Отец Дмитрий, приват-юрист Синода, тогда еще только мечтал о высоком poste Архиепископа. Дело «спятившего охранителя» досталось церковному адвокату как будто случайно.

Юрист всегда старался как можно лучше делать свою работу и приложил все усилия, чтобы облегчить участь подзащитного. Об оправдании речи не шло – все улики служебного преступления налицо. Но, может быть, дело в мотивах? Временное помутнение рассудка, магическое очарование?

– Неужели вы не понимали, чем закончится такое самоуправство? – при первой же встрече спросил приват-юрист.

– Понимал, – пожал плечами охранитель. – Вот только... Честно признаться, думал – не заметят. Сколько у нас бардака в канцеляриях? И не такое проходило. Я не мастер говорить,

но попробую объяснить... Я солдат. Мне таких, как тот крестьянин, защищать надо. А не на костер отправлять. Пусть бы трудился во славу Империи в меру сил... Или как там говорят в торжественных речах?

– Получается, вы хотите переписать закон о магии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.